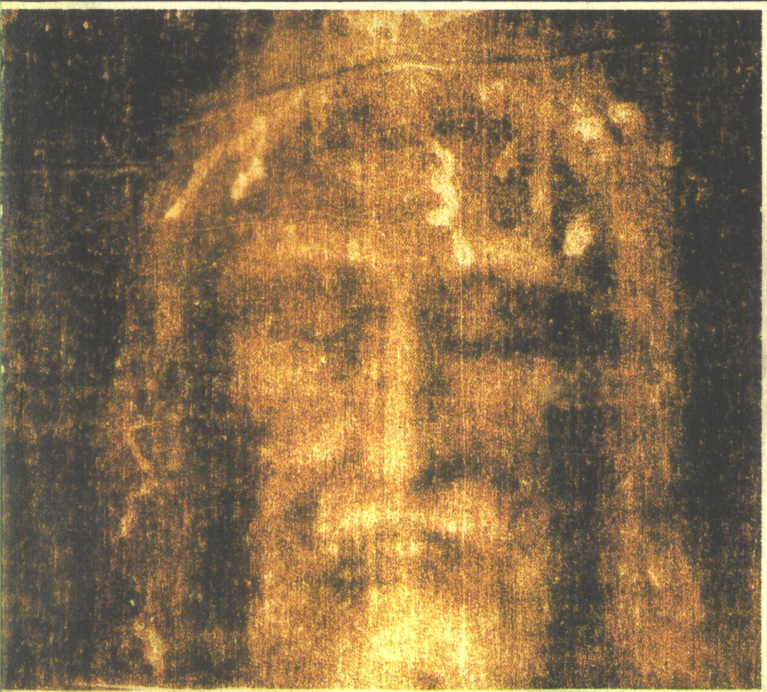

С. А. АРУТЮНОВ, Н. Л. ЖУКОВСКАЯ

«СВЯТЫЕ» РЕЛИКВИИ: МИФ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

БЕСЕДЫ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

С. А. АРУТЮНОВ, Н. Л. ЖУКОВСКАЯ

**«СВЯТЫЕ» РЕЛИКВИИ:
МИФ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1987

ББК 86.3
А86

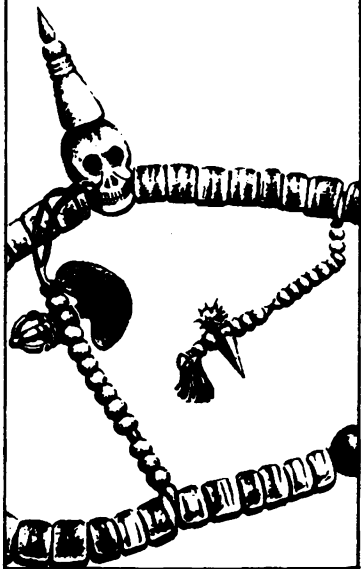
На обложке:

- 1-я стр.— Так выглядит голова человека с туринской плащаницы на проявленной фотопленке.
- 4-я стр.— Ламаистские четки со 108 зернами, каждое из которых выточено из одного человеческого черепа. Монголия.

А $\frac{0400000000-224}{079(02)-87}$ 125—87

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

ВВЕДЕНИЕ

Каждому человеку в жизни приходится слышать слово «реликвия», употребляемое в разных значениях и разных контекстах. Нередко случается и самому сталкиваться с разного рода реликвиями. Что же такое реликвия? По самому краткому определению словаря, это вещь, свято хранимая как память о прошлом. Слово происходит от латинского глагола *relinquere* — «оставаться», от которого происходит также и другое слово — «реликт», означающее в узком смысле слова живые организмы, сохранившиеся в неизменном виде от древних эпох, а в более широком — наследие ушедших эпох вообще.

Реликвии бывают разные. Во многих семьях хранятся унаследованные от дедов и прадедов вещи. Их берегут как семейные реликвии. Если владельцы этих вещей были выдающимися людьми, то вещи эти попадают в музеи и становятся реликвиями, представляющими ценность и интерес для многих. Есть общенациональные реликвии, есть реликвии важные и

ценные для отдельных организаций и учреждений — учебных заведений, войсковых частей, заводов, фабрик, институтов, колхозов, совхозов и т. д.

В истоках патриотизма каждого народа важное место занимают и с полным правом называются священными те или иные предметы, которые связаны с важнейшими событиями его истории. Чаще всего они находятся в музеях. Достаточно вспомнить музеи воинской славы, которых немало в нашей стране, где хранятся боевые знамена времен гражданской и Великой Отечественной войн, личные вещи героев, отдавших свою жизнь за Родину.

Но есть реликвии и иного рода — реликвии религиозные, которым присущ ряд особенностей. Во-первых, историческая реликвия потому и исторична, что она подлинна, в то время как подлинность религиозных реликвий в большинстве случаев никак не доказывается и чаще всего вопрос об этом даже не ставится. Во-вторых, религиозные реликвии направлены на поддержание эмоций особого рода, на раздувание слепой преданности установлениям церкви, мистицизма, а очень часто и самого крайнего фанатизма.

С реликвиями, как правило, связаны самостоятельные и своеобразные культы, существующие внутри религий. Культ реликвий наиболее характерен для обществ с высокоорганизованными религиозными системами.

Три религии, которые принято называть мировыми — буддизм, христианство, ислам, имеют довольно большое число реликвий. Каждая из этих религий распадается на течения, направления, секты, которые в ходе своего исторического развития так и не смогли столкнуться друг с другом ни по концептуальным проблемам вероучения, ни тем более по вопросам культовой практики, а потому и реликвии у каждого из них чаще всего свои собственные. Например, Зуб Будды — основная реликвия буддизма. Почитается же она только последователями

хинаяны¹, а остальные буддисты всего лишь «принимают к сведению» ее существование. Туринская плащаница — хранящийся в г. Турине (Италия) погребальный покров, в который, по утверждению церковников, было завернуто тело Иисуса Христа, — почитается только католиками.

Апологеты церкви, богословы различных религий опираются на реликвии и связанные с ними предания, чтобы создать видимость историчности и подлинности тех положений своей канонической литературы, которые научное религиоведение объясняет наследием иных, более ранних культов, восходящим к древнейшим пластам первобытной мифологии. Поэтому для понимания сущности религиозных преданий важно раскрыть реальное значение реликвий, время и обстоятельства их возникновения.

Любая реликвия — это часть истории. Настоящие исторические реликвии являются для нас своего рода документами, немymi, но красноречивыми свидетелями событий той или иной эпохи. Религиозные реликвии иногда (как, например, мумии монахов) прямо отражают историческую реальность, в других, более частых случаях (как Зуб Будды, Коран Османа) вовсе не являются теми предметами, за которые их принимают верующие. Но и они отражают какую-то историческую реальность, а именно ту обстановку, те идеологические настроения, которые способствовали их появлению. Этим религиоз-

¹ Хинаяна — в переводе с санскрита «малая колесница» или «узкий путь спасения», одно из трех основных направлений в буддизме наряду с махаяной («большой колесницей») и ваджраяной («алмазной колесницей»). В отличие от двух других направлений в хинаяне, которая исповедуется в Шри-Ланке, Бирме, Таиланде, Лаосе и Вьетнаме, делается упор на личные усилия верующего в освобождении от мирского бремени и достижении нирваны (в переводе с санскрита — «исчезновение», «угасание», «успокоение») — конечной цели существования всего живого во вселенной, высшего состояния духа, освободившегося от земных привязанностей, страстей и желаний.

ные реликвии и интересны для людей, желающих знать историю человечества во всем ее многообразии.

В этой книге пойдет речь всего лишь о нескольких реликвиях. Авторы сознательно не останавливаются на таких христианских реликвиях, как святые мощи, разного рода предметы, связанные с культом Христа, широко почитаемые в католицизме. О них написано довольно много и вряд ли есть смысл повторяться. Из христианских «священных предметов» рассмотрен лишь один — туринская плащаница, которая и поныне вызывает много споров. Что же касается других реликвий, о которых рассказывается в книге, то о них широкому читателю известно немного. Поэтому они и привлекли внимание авторов, предпринявших попытку сбросить с них мистический покров, рассказав об истории их происхождения, о том, как использовались и используются они в целях укрепления религиозной веры.

ШАХ ХУСЕЙН, ВАХ, ХУСЕЙН!

Ночь накануне 10 мохаррама 61 года хиджры по мусульманскому календарю (что по нашему летосчислению соответствует 10 октября 680 г.) Хусейн, сын убитого халифа Али, внук пророка Мухаммеда, провел в молитвах. Накануне он составил завещание. Плакали женщины, спали измученные дети, лагерь готовился к сражению.

Уже десять дней Хусейн с небольшим отрядом всего в 300 человек, состоявшим в основном из его родственников: сводного брата Аббаса, племянника Касема и членов их семей, стоял в окрестностях Кербелы против войска халифа Язида из дома Омейядов. Человек решительный и смелый, Хусейн, уверовав в свою «богоугодность» (ар-рида), пожелал восстановить историческую справедливость и занять трон халифа сам. Сторонники убитого Али, недовольные Омейядами, обещали свою поддержку. Казалось, при такой ситуации нет ничего проще, чем одержать победу над Язидом. Решили начать с Куфы, где

было немало единомышленников Хусейна, взяв ее штурмом или осадой. Однако военачальник халифа Омар ибн Сад не стал дожидаться ни того ни другого, вышел со своей армией навстречу повстанцам, встретил их в местечке Кербела и первое, что сделал,— перекрыл канал, по которому вода из Евфрата поступала в лагерь Хусейна. Некоторое время отряд еще держался, даже была сыграна свадьба Касема, племянника Хусейна, взявшего в поход свою невесту. Но когда через день у другого участника похода родился сын, не оказалось воды, чтобы омыть его. Жажда мучила всех. Решили дать бой, чтобы умереть хотя бы в бою. Надеялись на чудо, но оно не произошло.

Утром 10 мохаррама под плач женщин и детей отряд Хусейна выстроился против армии халифа. Однако у измученных жаждой людей почти не было сил драться. Войска халифа тоже не спешили, выжидали: шутка ли, поднять руку на внука пророка. Наконец ринулись в бой. Это была не битва, а резня. На теле мертвого Хусейна оказалось 33 колотые и 34 рубленные раны. Отрубленную голову Хусейна отослали халифу в Дамаск. Тот притворно и долго выражал свое сожаление по поводу столь страшной развязки.

Этот день в памяти всех мусульман-шиитов и поныне считается днем всеобщего траура. В календарь мусульманских дат он входит под названием «ашура», в литературе же более известен как «шахсей-вахсей». Это десятый день первого лунного месяца мусульманского года, посвященный памяти мученика Хусейна. К моменту смерти Хусейна в исламе уже было три мученика — «праведных» (по суннитской традиции) халифа: Омар (убит в 644 г.), Осман (убит в 656 г.) и Али (убит в 661 г.). Смерть этих «заместителей посланника божьего» (так трактуется термин «халиф») положила начало культу мучеников и святых. Первый «праведный» халиф Абу Бекр мучеником не был, так как благополучно умер своей смертью. Впрочем, шииты чтят лишь Али, а также его детей Хасана и

Хусейна и их потомков, которых называют имамами, что значит «глава общины».

Как видно, не принесла проповедь Мухаммеда мир племенам Аравии. Личность незаурядная, соединявшая в себе черты племенного вождя, военного предводителя, арбитра в племенных спорах, оратора, поэта и, наконец, в глазах его приверженцев, пророка, способного получать откровения от божества¹, Мухаммед призывал своих соотечественников, жителей города Мекки, и всех арабов верить только в одного бога — Аллаха, вести праведную жизнь, готовить себя к грядущему божьему суду. Его проповедь привлекла часть мекканцев, но вызвала протест и ненависть городской верхушки, увидевшей в ней угрозу их власти, освящавшейся старыми традициями и верованиями. Мухаммеду и его сторонникам пришлось в 622 г. бежать в Медину, где он окончательно оформил свое учение.

Из Медины Мухаммед начал борьбу с Меккой, и после ряда сражений в 630 г. мекканцы подчинились ему, признали его бога, а он подтвердил святость их города и простил своих врагов. Одновременно Мухаммед подчинил и приобщил к своей вере большую часть племен и общин Аравии. Как пишет академик В. В. Бартольд, «Аравия нуждалась только в земном правителе, каким и был сам Мухаммед в последнее десятилетие своей жизни»².

Возникновение ислама в Западной Аравии было связано с разложением патриархально-общинного строя и образованием классового общества. Этот процесс вызвал большие перемены в жизни и мироощущении как оседлых, так и кочевых арабов. Разложение родовой общины привело к имущественному неравенству, выделению племенной аристократии и бедняков, находившихся в зависимости от нее. Люди чувствовали недовольство, в

¹ См.: Пиотровский М. Б. Мухаммед, пророки, лжепророки, кахины.— Ислам в истории народов Востока. М., 1981, с. 9—18.

² Бартольд В. В. Сочинения. М., 1966, т. 6, с. 104.

воздухе витала идея единого и всемогущего бога, который воздаст каждому по заслугам, хотя бы в потустороннем мире. Кроме того, возникновению объединений арабских племен, вызванному противодействием агрессивным намерениям соседних Ирана и Византии, пытавшихся установить свой контроль над Аравией, предшествовала деятельность проповедников, выступавших в роли пророков и прорицателей и широко использовавших религиозные мотивы.

Общественные перемены, находившие выражение в стремлении арабов к объединению, в области религии проявились в усилении тенденции к централизации их древних культов, в потребности в единобожной религии, которая могла бы оправдать подобное объединение.

После смерти Мухаммеда в 632 г. его дела продолжили халифы. Первый халиф Абу Бекр, ближайший сподвижник пророка, отец его жены Айши, завершил завоевание Аравийского полуострова и успел начать военные действия против Ирана и Византии, но в 634 г. умер. Сменивший его Омар, получив власть по завещанию от Абу Бекра, начал изгонять из Аравии всех немусульман и пал от руки одного из них в 644 г. Следующий халиф Осман был выходцем из рода Омейядов, отстаивавших право на власть для представителей доисламской знати Мекки. Его правление не устраивало уже многих: и толкователей Корана, потому что Осман пытался унифицировать его текст, и судей, поскольку судопроизводством стали ведать халиф и его наместники, и тем более открытых противников рода Омейядов, недовольных тем, что халиф предоставлял большие льготы родне, а себе построил роскошный дворец. Вспыхнуло восстание, и толпа мятежников растерзала Османа в его собственном доме. Принявший власть из рук убийц Османа в 656 г., четвертый «праведный» халиф Али через пять лет тоже был убит.

Не прошло еще и трех десятков лет, как учение Мухаммеда разделилось на два потока — шиизм и суннизм,

которым суждено было стать основными непримиримыми направлениями в исламе. Сами термины возникли позже, чем течения: шиизм от слова «ши'а» (партия, сторонники), суннизм — от слова «сунна» (поведение, пример), то есть те, кто следуют правилам, установленным пророком. К первому направлению отошли сторонники Али, считавшие, что главой общины (а следовательно, и государства) и наследниками миссии Мухаммеда могут быть только его прямые потомки, то есть дети, внуки, правнуки Али. Вторые — сторонники омейядов — полагали, что следование «примеру» пророка важнее родства с ним. Эти расхождения породили массу других, догматических и культовых, в каждом из течений появились собственные мученики, святые и связанные с ними реликвии.

Однако вернемся к Хусейну. День его смерти стал днем рождения реликвии под названием «голова Хусейна». Каких только чудес не приписывали ей средневековые арабские богословы: она-де писала невидимой рукой угрожающие изречения на стенах мечети, источала аромат благовоний, распевала речитативом суры Корана, излучала сияние то в виде нимба, то в виде светового столба и даже обращала христиан в ислам. Шиитская традиция утверждает, что голова Хусейна была отправлена в Дамаск халифу Язиду. В этом факте нет ничего невероятного. Во всяком случае, в средние века на Ближнем Востоке с головами врагов частенько поступали подобным образом. Можно считать, что именно так начала свое «самостоятельное существование» и голова Хусейна¹. Известно также, что долгое время существовали две

¹ «Самостоятельно существующая» голова Хусейна — это образ мифологии ислама. Никто из тех, кто о ней пишет, никогда ее сам не видел. Поэтому мы не можем сказать что-либо о том, как она выглядела: была высушенной, мумифицированной или еще какой-либо. В легендах она описывается как отделенная от тела, но живая, то есть насыщенная плотью и кровью, способная «смотреть» и т. п. Во всех местах, где она якобы имела, ее хранили в запертых ларцах и никому не показывали.

головой Хусейна. Одна хранилась в Дамаске, другая — в Каире. Обе были заперты в ларцы-саркофаги, обе, разумеется, считались подлинными, над обеими были воздвигнуты мечети. Мечеть в Каире не сохранилась, где теперь каирская голова, неизвестно. Мечеть в Дамаске существует до сих пор и по-прежнему считается хранилищем головы Хусейна.

Которая же из голов была подлинной? (И сохранилась ли вообще подлинная голова Хусейна?) Вряд ли можно однозначно ответить на этот вопрос. Существуют две взаимоисключающие версии. По одной, голова Хусейна хранилась в специальном мавзолее в г. Аскалон на побережье Средиземного моря, откуда в 1153—1154 гг. перед сдачей города крестоносцам ее вывезли и доставили в Каир. Там и воздвигли в ее честь мечеть. Версия вторая утверждает, что в период правления в Египте династии Фатимидов во время одного из их набегов на Дамаск Фатимиды захватили и вывезли в основанный ими город Каир (Ал-Кахир, что значит «Победоносный») шиитскую святыню — голову Хусейна. Все остальное — сюжет для детектива. Либо Дамаск сумел ее вернуть назад, либо соорудил ее копию. Хотя возможно, что копия была как раз в Каире. С падением государства Фатимидов в 1171 г. египетский след головы теряется. «Энциклопедия ислама», ссылаясь на средневековые арабские источники, называет даже не две, а целых семь точек, которые считаются местом погребения головы Хусейна: кроме уже названных Дамаска и Каира это Кербела, Неджеф, Медина, Куфа и Ракка (местность в Ираке). Мы думаем, что это тот самый случай, когда истину установить невозможно.

Однако тем и примечателен культ реликвий, что для него миф важнее, чем историческая реальность. Только миф и основанный на нем культ определяют степень популярности и значимости реликвии в истории религий. Действительно, кто такой Хусейн как историческое лицо?

Чем он известен? Прежде всего тем, что имел желание занять место халифа и погиб сравнительно молодым в местечке Кербела. Казалось бы, неудавшийся мятеж и только, заурядный эпизод, каких десятки в истории любой страны.

Однако посмертно звезда Хусейна вдруг засияла необычайно ярко. Этому способствовали драматические обстоятельства его гибели, строительство мечети над могилой, превращение ее в крупнейший культовый центр мусульман-шиитов, установление ежегодных «дней скорби», религиозные мистерии с отработанным сценарием, шествия с кровавыми самоистязаниями, приуроченные к этим дням. Верующие несут изображения тела Хусейна и его головы, тела Аббаса и его отрубленных рук, рубашек, в которые они были одеты во время битвы, попон лошадей, на которых они сражались,— все это обильно полито красной краской, символом пролитой крови, на них нашиты стрелы, имитирующие те, которыми враги пронзили тела реальных Хусейна и Аббаса.

Ашура — важнейшая дата шиитского календаря. Впервые официальные торжества в честь покойного имама Хусейна были проведены в Ираке в 963 г., то есть почти через 300 лет после реальных событий. Ашуру отмечают все религиозные центры шиитского мира. Но, конечно, с наибольшей пышностью и массовостью они проходят в самой Кербеле — месте погребения Хусейна.

Мечеть, построенная над могилой Хусейна, похожая внешне на мечети Али в Эн-Неджефе и Аббаса в Кербеле, являясь центром паломничества всех шиитов в дни мохаррама, скопила за века немало богатств, дразнивших воображение разных владык Востока. Полагали, что даже сокровищница персидских шахов, своего рода эталон собрания предметов роскоши, уступала мечети Хусейна. Однако святыня считалась столь значительной, что ее не рискнул тронуть даже Тамерлан.

И только ваххабиты не пощадили усыпальницу Хусейна.

Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, арабский богослов второй половины XVIII в., стал основателем и ведущим идеологом движения за «чистоту» и «обновление» ислама. Он страстно обличал сложившийся за века культ пророка и святых, почитание могил мучеников, паломничество к ним. Все это аль-Ваххаб считал источником физического и нравственного растреления. Роскошь, курение, пение, танцы и даже пользование четками, таким, казалось бы, невинным предметом — все подвергалось осуждению, рассматривалось как отход от истинного, первоначального учения самого пророка. Такая проповедь оказалась очень кстати для правителей Аравии, уже давно тяготившихся зависимостью от турецкого султана и его наместника — багдадского паши, которому они были подчинены политически со времени образования Багдадского пашалыка Османской империи (конец XVI — начало XVII в.). Эмиры феодального дома Саудидов из Неджда возглавили антитурецкое движение. Религиозный раскол и вызванное к жизни проповедями аль-Ваххаба религиозно-политическое течение под названием «ваххабизм» стали знаменем политической борьбы сторонников Саудидов за независимость. Созданный ими Диргъийский эмират постепенно набирал силу, объединяя под своей властью ряд северных и центральных районов Аравийского полуострова.

Шиитские города-святыни с их огромными богатствами не давали покоя диргъийским эмирам. Замысел разрушить и разграбить их, особенно Кербелу и мечеть-мавзолей Хусейна, они лелеяли давно. Настроения же ваххабитов весьма благоприятствовали этому. Наконец случай представился.

В апреле 1802 г. значительная часть жителей Кербелы отправилась в паломничество в г. Эн-Неджеф. Хотя расстояние между городами всего 80 километров, на палом-

ничество уходило около десяти дней. На это время Кербела практически оставалась беззащитной. Впрочем, о мерах защиты как-то не думали, ибо никто всерьез не верил, чтобы мусульмане, какого бы толка и направления они ни придерживались, могли посягнуть на такую святыню, как могила Хусейна.

И тем не менее такой день настал. Далее мы приводим текст донесения одного европейского резидента (представителя колониальной державы в протекторате), бывшего свидетелем этих событий.

«20 апреля 1802 г. 12 тысяч ваххабитов внезапно напали на Имам-Хусейн: после того как они захватили огромную добычу, подобную которой не приносили самые большие победы, они все предали огню и мечу. Старики, женщины, дети — все гибли от меча этих варваров. Утверждают, что, если они видели беременную женщину, они вспарывали ей живот и оставляли плод на окровавленном теле матери. Их жестокость не могла насытиться, кровь текла рекой. В результате кровавой катастрофы погибло более 4 тысяч человек. Ваххабиты увезли награбленное на 4 тысячах верблюдах.

Затем после грабежа и убийств они разрушили мавзолей имама и превратили его в клоаку мерзости и крови. Они в особенности повредили минареты и купола, так как считали, что кирпичи, из которых построены эти сооружения, сделаны из золота»¹.

Ваххабиты унесли из усыпальницы Хусейна покрывало с могилы, расшитое изумрудами, жемчугом, рубинами, ковры, ткани, одежду и украшенное драгоценными камнями оружие, которое в больших количествах всегда жертвовалось святым могилам. Почти все оружие и драгоценности эмир Сауд забрал себе. Идейная платформа ваххабитов, отрицавшая роскошь и поносившая накопление богатств, была ему весьма удобна: ваххабиты сража-

¹ Цит. по: Васильев А. М. История Саудовской Аравии. М., 1982, с. 102.

лись за идею «чистоты» ислама, а материальные последствия этой борьбы Саудиды делили меж собой.

Разгром Кербелы и могилы Хусейна оказался важным звеном в сложной цепи политических событий на Ближнем Востоке. Охрана Кербелы и ее святынь находилась в ведении престарелого багдадского паши Буюк Сулеймана. Турецкий султан Селим III из династии Османидов давно мечтал сместить его с этой доходной должности и заменить кем-нибудь помоложе, однако не было повода. Теперь повод представился. Осквернение шиитской святыни само по себе не очень волновало главу суннитов, соединявшего в своих руках власть султана и халифа одновременно. Но шах шиитской Персии Фатх Али уже не раз грозил ввести свои войска в Багдадский пашалык, мотивируя это плохой охраной святых могил, а на деле желая потеснить Османскую Турцию. Все это послужило поводом для начала турецко-персидской войны. Правда, выступить против ваххабитов и двинуться в глубь Аравии ни Персия, ни Турция, ни Багдад так и не посмели. Буюк Сулейман перестал быть пашой. Саудиды расширили свои владения в Аравии. А Кербела заново отстраивала свои разрушенные мечети.

Но обратимся снова к ашуре.

Главное место в культе мученика Хусейна занимают мистерии, проходящие в первые десять дней месяца мохаррам. Сцены оплакивания шиитских святых имеются уже в арабских хрониках VII—VIII вв. Начиная с XV в. их описания появляются в трудах европейских путешественников. В XVII в. о них рассказали в своих дневниках голландцы Адам Олеарий и Ян Стрейс. В конце 70-х годов XIX в. их видел и зарисовал русский художник В. В. Верещагин, и даже у Максима Горького имеется очерк «Праздник шиитов» — описание первой декады мохаррама, празднование которого он наблюдал из окон тифлисской тюрьмы в 1898 г.

Уже в XX в. мистерии мохаррама были достаточно

обстоятельно исследованы европейскими учеными И. Ласси, Т. Лайлем, А. Массэ. Одно из интереснейших описаний принадлежит перу советских ученых супругов Ю. Н. и С. М. Марр, которые лично наблюдали мистерии в Исфахане и Тегеране в 1925—1926 гг. Мы воспользуемся их работой, чтобы описать подготовку, ход и характер этой мистерии.

В первые дни месяца мохаррама устраивались так называемые «чтения» и «беседы» (роузе), с целью напомнить всем верующим о событиях, которые легли в основу праздника. Проводились они обычно по вечерам, но иногда и днем во дворах мечетей, в медресе, в домах частных лиц, куда мог попасть даже европеец, но только по приглашению хозяина дома или кого-либо из влиятельных лиц. В помещении, где все это происходило, вешали полосы ткани с надписями: «Помни о Хасане! Помни о Хусейне!» или «О, Хасан! О, Хусейн!» Присутствовали не только мужчины, но и женщины с детьми, как правило, «вымоленные» матерями или «отмоленные» у болезни.

На специально сооруженный помост поднимался проповедник и начинал рассказывать слушателям о трагедии Хусейна, его родных и близких, об их страданиях от жажды, о битве и смерти. Такие «беседы» длились иногда по 7—8 часов, во время которых друг друга сменяли несколько десятков проповедников. Говорили они в разной манере: один спокойно, другой активно жестикулировал, третий пел, четвертый плакал и т. д. И вслед за каждым приходила в волнение и неистовство аудитория. Рыдали и стонали женщины, били себя по голове, хлопали в ладоши, пели и ритмично ударяли себя в грудь мужчины, плакали дети. Все это создавало эмоционально-напряженную обстановку. Состав слушателей менялся. Одни, прослушав двух-трех ораторов, уходили, на смену им приходили другие.

Одновременно по городу ходили процессии, участники которых, одетые в специальную одежду с вырезами

на груди или на спине, с цепями, кинжалами или саблями в руках, подвергались особому обряду в знак скорби: ударяли одним из этих предметов себя по голове (для этого голова специально выбривалась), спине или груди. Шествия эти носили отнюдь не беспорядочный характер, они были отработаны в плане ритма, особой походки, которой шли ее участники — слегка приседая, и особой формы построения этих шествий — двигались они обычно несколькими колоннами, выстроенными полукругом. Каждая такая процессия имела несколько руководителей, которые шли внутри нее и с помощью музыкального инструмента типа цимбал отдавали команды, когда нужно восклицать, когда бить себя в грудь или по голове. Чаще всего участники процессии повторяли фразу: «Шах Хусейн, вах, Хусейн!» (что дословно переводится «Царь Хусейн, увы, Хусейн!»). Это восклицание стало причиной того, что праздник получил название «шахсей-вахсей». Именно на таких процессиях было больше всего мучительных самоистязаний. Многократные удары цепями, кинжалами и саблями по груди, спине и особенно голове наносили людям тяжелые увечья, приводили к большой потере крови. И хотя среди участников процессий были люди, в задачу которых входило ослаблять эти удары с помощью палок, вытирать или смывать бегущую кровь, смертные случаи тем не менее бывали не раз.

Однако с точки зрения культа Хусейна и его головы для нас наибольший интерес представляют театрализованные мистерии и шествия, во время которых разыгрывались сценки гибели отряда Хусейна. В Исфахане они происходили по вечерам после захода солнца на улицах и во дворах медресе. Участники двигались, держа в руках факелы или свечи, вставленные в картонные рамки, и пели куплеты приблизительно в таком духе:

Что с Хусейном? — Убит.

Что с Аббасом? — Убит.

Что с Акбаром? — Убит.

Что с Зейнаб? — В плену.
Так прах на нашу голову!

Затем разыгрывались пантомимы: битва, смерть Хусейна, отсечение его головы, поиски его тела, поиски коня Хусейна, отправление отрубленной головы халифу в Дамаск, шествие армии победителей и т. д. В зависимости от режиссерских талантов постановщика и финансовых возможностей каждой из групп, разыгрывавших мистерию, различным было число как самих сцен, так и участников, занятых в представлении, а также реквизит и всякие украшения, используемые по ходу дела. Иногда на коня Хусейна надевали богатую сбрую, усыпанную драгоценными камнями, круп коня покрывали роскошным ковром, голову его украшали страусовыми перьями, на шею вешали картину с изображением поверженного Хусейна. Перед конем, которого медленно вели по улицам, расстилали дорогие ткани. Вокруг в пыли лежали плачущие люди, которые пели следующее:

Как эта ночь полна несчастья,
Как она полна кровью, несчастьем,
Голова Хусейна умученного
Отделена от тела этой ночью.

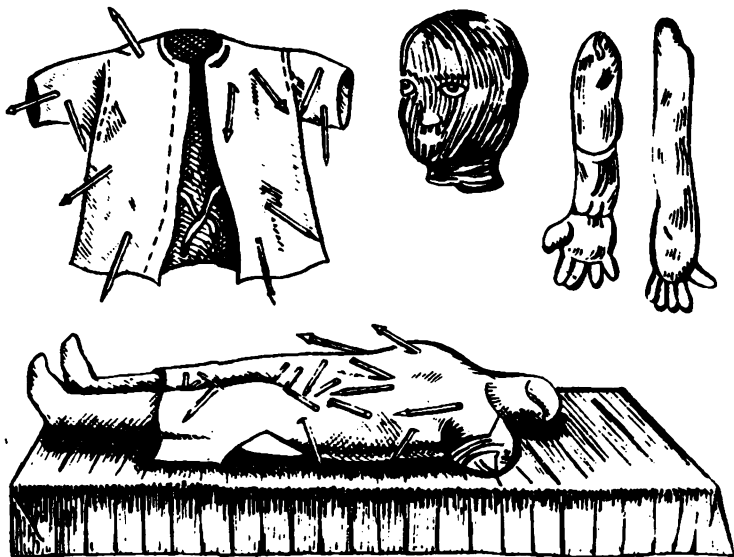
Одни группы сооружали люльку, в которой лежит младенец, родившийся накануне последней битвы, у других был такой персонаж, как лев, оплакивающий Хусейна, у третьих — светящийся танур, то есть печь для выпечки хлеба (по одной из легенд, образующих мифологическую основу культа Хусейна и его головы, сподвижник Язида принес голову Хусейна к себе домой, но, так как жена его была ревностной шииткой, решил спрятать голову и положил ее в танур. Ночью жена заметила, что танур светится, заглянула туда и увидела голову Хусейна).

В некоторых процессиях участвует человек, исполняющий роль льва (на голове его львиная маска из

папье-маше), в руках он держит голову Хусейна, поит ее водой, посыпает опилками. Вслед на носилках несут «мертвых». Как правило, это куклы размером в человеческий рост, покрытые белой «окровавленной» (то есть с пятнами красной краски) материей и слегка присыпанные опилками. Голова отсутствует, видна окровавленная шея. Иногда, правда, мертвого Хусейна изображал живой человек, голову которого закрывали тряпками.

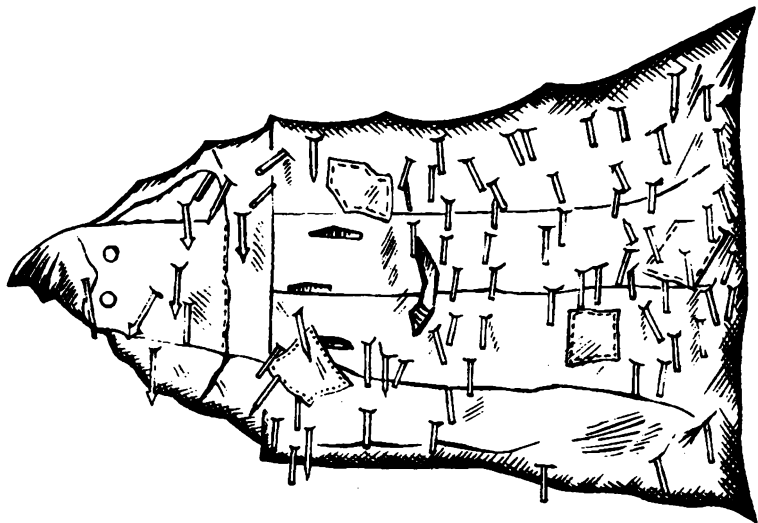
Еще одну сцену из процессии дадим в описании С. М. Марр: «...вот разукрашенный конь Хусейна, на голове его привязан живой голубь, перед ним плачет мать Хусейна. Едет гордый мрачный Шимр (убийца Хусейна). Иногда он останавливает коня и, делая рукой широкий жест, произносит: «О, глава мучеников!» За ним везут изображения побежденных: Аббаса на коне с отрезанными руками и с окровавленной стрелой в глазу, который беспомощно качается в седле, Акбара (сына Хусейна) с головой, насквозь пронзенной острым круглым кинжалом, похожим на серп... Несут на носилках труп Касема, племянника Хусейна,— куклу в светло-сером чаба (род кафтана); головы нет, торчит окровавленный обрубок. Касем был убит в брачную ночь, и вот за ним движется свадебная процессия... украшенные зеленью деревянные носилки, где сидят подружки невесты в белых вуалях (невеста и подружки ее — переодетые мальчишки), наконец, в маленьком паланкине несут невесту, за ней — знамена с перьями. Едет большая телега, украшенная зеленью, где в темном наряде сидит Зейнаб, сестра Хусейна, с двумя его детьми. Она осыпает себя опилками и плачет. Едут жены и дети убитых, взятые в плен, все они плачут, бросают на себя опилки, держат перед собой головы Хусейна, подносят им воду и целуют их»¹.

¹ Марр С. М. Мохаррам.— Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970, с. 333—334.

Предметы ритуального культа, имитирующие тело Хусейна, его голову и рубашку, а также руки Аббаса. Их несут верующие во время шествий, посвященных памяти Хусейна (из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Ленинград).

В Исфахане существовали и самодеятельные театральные труппы, которые во время праздника по несколько раз в день разыгрывали спектакли на темы истории ислама. Они могли сыграть отдельно «историю об Аббасе», «историю о Хусейне», о его потомке Мусе, о халифе Гаруне аль-Рашиде и др. И во всех этих спектаклях зрители принимали столь же активное участие, как в мистериях религиозного характера, так же соперничали актерам, как будто сама реальная драма истории разворачивалась перед ними.

Еще один предмет ритуального культа — макет попоны лошади Хусейна (из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Ленинград).

Однако вернемся к голове Хусейна. К ежегодным мистериям дней мохаррама весь реквизит готовили заново: делали муляжи трупов, голов, рук, копии одежд, в которые были якобы одеты Хусейн, Аббас и его воины в момент смерти. В каждой процессии было по несколько таких голов, по многу рук, два-три «трупа».

Головы носили на шестах или пиках как знамена, им оказывались почести, их ласкали, целовали, гладили, покрывали голубой вуалью. Все они выступали как символы головы Хусейна.

Участники некоторых процессий привязывали к головам коней и к «трупам» Хусейна голубей. В шиитских легендах говорится, что голуби купались в крови Хусейна

и оберегали его тело от насекомых. Некоторые ученые полагают, что в культовых мистериях в честь Хусейна нашел отражение древний языческий праздник умирающего и воскресающего бога, характерный для земледельческих цивилизаций Ближнего Востока и Средиземноморья, а в образе мусульманского Хусейна слились мифологические биографии таких богов, как египетский Осирис, сирийский Адонис, фригийский Аттис, фракийский Дионис, вавилонский Таммуз. Другие исследователи считают, что имеется ряд параллелей между культом Хусейна в исламе и Иоанна Крестителя в христианстве: у обоих отрублены головы, оба по этой причине стали объектами культа, в честь обоих в соответствующих религиях совершаются ритуальные церемонии, головам обоих приписывается самостоятельное культовое значение. А так как и тот и другой культ родились на Ближнем Востоке, можно думать, что у них были какие-то общие первоисточки.

Кербела в наши дни — центр одноименной провинции Ирака. Постоянное население города — 306 тысяч человек. Но в дни паломничества к могиле Хусейна с 1 по 10 мохаррама сюда стекаются шииты из многих стран мира. Мечеть, стоящая над могилой Хусейна, очень похожа на мечеть над могилой его отца Али в Эн-Неджефе.

Четверо ворот мечети Хусейна выложены изразцами, украшенными растительным орнаментом и инкрустированными перламутром. В центре находится сама усыпальница, огороженная серебряной решеткой. Купол мечети и минареты покрыты золотыми пластинами. ореол мученичества на исламском Востоке всегда оплачивался по самой высокой таксе — громадные доходы в мечеть текут и сейчас.

Вся Кербела живет в основном обслуживанием паломников: гостиницы, постоялые дворы, транспортные конторы, лавочки по продаже сувениров, напоминающих об

истории гибели Хусейна. Советский востоковед и журналист О. Герасимов, побывавший в Кербеле в 70-х годах, так описывает повседневную жизнь города: «По обе стороны ворот, ведущих в мечеть аль-Хусейна, расположились лавочки. Разноцветными гроздьями висят четки, стопками поднимаются аккуратно сложенные круглые, прямоугольные и ромбовидные глиняные плитки — турба с выдавленными на них незамысловатым орнаментом и надписями. Они изготавливаются из глины, добываемой в Кербеле в том месте, где, по преданию, произошел бой и был убит аль-Хусейн. Во время молитвы шииты кладут перед собой этот кусочек глины, впитавшей капли крови аль-Хусейна, и во время поклонов касаются его лбом»¹. Турба — это еще одна разновидность тиражированной реликвии.

Внутренний двор мечети над могилой Хусейна кое-где устлан циновками. В рамадан, девятый месяц мусульманского лунного года, во время которого мусульмане обязаны соблюдать строгий пост от восхода до заката солнца, здесь спят верующие. Тут же резвятся дети. Мальчишки, как все мальчишки мира, играют в «салочки», бегая друг за другом, перепрыгивая через спящих, придерживая зубами подола длинных рубах, ну а девочки — конечно в «классики», начертив на земле клетки и гоня по ним банку из-под гуталина. И хотя одеты они, как и взрослые женщины, в длинную, до пят, черную мешкообразную хламиду — абая, скрывающую очертания их юных тел, девочки весело прыгают на одной ноге, подтверждая истину, не нуждающуюся ни в каких доказательствах: дети всюду дети.

Но поныне ежегодно в месяц мохаррам устраиваются траурные шествия и театрализованные мистерии, изображающие во всех деталях события 680 г. под Кербелой. Все они представлены отдельными маленькими спектак-

¹ Герасимов О. На ближневосточных перекрестках. М., 1979, с. 179.

лями: «день свадьбы Касема», «день младенца» и, разумеется, сама битва. К мистериям готовятся заранее, подбирают исполнителей, устраивают репетиции. Бывает, что сложно найти человека на роль убийцы Хусейна. Помимо того, что роль сама по себе отрицательная и у каждого шиита вызывает отвращение, она к тому же связана с опасностью для жизни исполнителя: толпа зрителей отнюдь не пассивно созерцает представление, а принимает в нем активное участие, забрасывая камнями и грязью «убийцу» Хусейна.

До 1958 г., пока Ирак был королевством, король Фейсал II и его правительство, придерживавшиеся ислама суннитского толка, запрещали исполнять эти мистерии в шиитских городах, поскольку они вызывали в памяти различные политические аналогии между правящим домом Ирака и убийцами Хусейна, которые тоже были суннитами.

Не только в дни мохаррама, но и в другое время года в городе много паломников, в основном больных и калек, ищущих исцеления у могилы Хусейна. На улицах можно видеть баки с водой или выведенные наружу водопроводные краны с прикрепленными к ним кружками. Это состоятельные мусульмане заботятся о страдающих от жажды паломниках. Над многими из них прикреплены черные полотнища с надписями: «Пей и помни о погубленном Хусейне!», «Пей воду и проклинай Язида!»

Халифа Язида проклинают не только потому, что шиитская традиция возлагает на него вину за смерть Хусейна, но также за его несоответствие образу правоверного мусульманина, тем более облеченного столь высоким саном. Известно, что он пил вино, любил поэзию и танцы, увлекался псовой и соколиной охотой, проводил жизнь в роскоши и не усматривал в этом какого-либо нарушения предписаний пророка. А если и приходилось ему порой расставаться с привычным образом жизни, бежать в пустыню и жить отшельником, то только спасаясь от

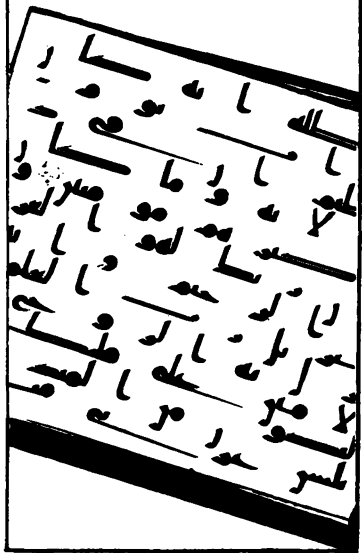
эпидемий. Быть отрицательным героем мистерий, «убийцей» и носителем всех пороков при таких данных нетрудно.

Не только в праздники, но и в будни мечети и прочие здания в городе и окрестных деревнях увешаны зелеными, черными и красными знаменами. Все они — символы разных событий в истории ислама. Под зелеными знаменами воины ислама завоевывали страны Востока и насаждали там свою религию. Черные, введенные при халифах Аббасидах, — траур по потомкам халифа Али (Хусейну и его сводному брату Аббасу). Красные — в память о цвете знамени Хусейна, под которым тот сражался с войсками халифа Язида.

Еще недавно присутствие в городе суннитов, а также вообще немусульман — христиан, иудаистов и всех прочих — было нежелательным. В дни религиозных праздников траурные шествия и мистерии накаляли страсти настолько, что вспышки фанатизма могли возникать по самым случайным поводам.

В Иране траурные процессии в дни мохаррама были запрещены правительством в 1926 г. Разрешалось проводить только роузе — траурные чтения в честь Хусейна на базарах, а впоследствии только в домах частных лиц. В 1941 г. после отречения от престола шаха Резы и прихода к власти его сына Мохаммеда Резы проведение процессий возобновилось.

КОРАН ОСМАНА, БОРОДА ПРОРОКА И ДРУГИЕ РЕЛИКВИИ ИСЛАМА

Широко почитается в мусульманском мире еще одна реликвия — Коран Османа, залитый кровью третьего «праведного» халифа Османа ибн аль-Аффана (644—656 гг.). Мусульманские богословы называли его «обладателем двух светочей» за то, что он был женат на двух дочерях пророка — сначала на Рукайе, а после ее смерти на Умм-Кульсум. Доставшаяся ему в наследство от убитого Омара империя являлась таковой лишь номинально. Правители Сирии, Египта, Ирака, Киренаики, считавшиеся наместниками халифа, сохраняли достаточно мощную политическую и экономическую силу и были не очень склонны подчиняться главе мединско-мекканской общины, пусть даже он был зятем пророка. Попытки навести порядок в провинциях вызвали мятеж, и, как мы уже писали выше, Осман был убит в 656 г. в собственном доме повстанцами.

Одной из заслуг Османа перед исламом было создание унифицированного текста Корана. Собрав у учеников и сподвижников Му-

хаммеда тексты записей его поучений, он с помощью бывшего личного писца Мухаммеда Зейда ибн Сабита составил сводный единый текст, убрав то, что, с его точки зрения, противоречило идее единства мусульман и могло вызвать раздоры. Все прочие тексты и записи были уничтожены; а со сводного Корана было сделано, как утверждает мусульманская традиция, пять копий, которые были посланы в Мекку, Медину, Дамаск, Куфу и Басру. Подлинник Осман оставил себе. Именно его страницы оказались обгавленными «священной кровью» халифа.

Этот экземпляр Корана исчез, но спустя некоторое время в мусульманском мире появились несколько (возможно, даже несколько десятков) списков Корана с окровавленными страницами, каждый из которых претендовал на то, чтобы считаться подлинным Кораном Османа. Возможно, что среди них действительно был подлинный экземпляр, принадлежавший Осману, залитый именно его кровью, но доказать это, увы, невозможно. Впрочем, такие доказательства в мусульманском мире никого и не интересовали. Сомневаться в подлинности реликвии считалось кощунством.

Один из экземпляров этой реликвии судьба забросила в Самарканд, где он хранился в мечети Ходжи Ахрара, шейха суфийского ордена, жившего в XV в. На его страницах, исписанных одним из самых красивых арабских шрифтов — куфическим письмом, отчетливо проступали бурые пятна, выдаваемые хранителями за кровь Османа. Мечеть активно посещали паломники, поклонялись Корану Османа, просили у него благословения. В дни больших праздников его выносили из мечети и показывали народу.

Есть несколько версий того, как мог попасть Коран Османа в Самарканд. Их приводят в своих работах исследователи, занимавшиеся изучением этого вопроса: А. Л. Кун, А. Ф. Шебунин, В. В. Лунин, Н. С. Садыкова,

Т. А. Стецкевич¹. Версия первая: его привез из Багдада в X в. богослов Абу Бакр Каффал аш-Шаши. Версия вторая: ученик и последователь Ходжи Ахрара отправился в паломничество в Мекку, на обратном пути во время пребывания в Константинополе он излечил силой своей благодати от какой-то болезни халифа и выпросил в качестве дара за это Коран Османа. Третья версия, которую большинство исследователей считают наиболее вероятной, такова: Коран Османа был захвачен Тимуром во время его завоевательных походов где-то в Сирии или Ираке и потом хранился в библиотеке самого Тимура, откуда и попал в силу каких-то обстоятельств в мечеть Ходжи Ахрара.

В 1868 г. Самарканд был занят царскими войсками и включен в состав Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи. Начальник Зеравшанского округа генерал-майор Абрамов, узнав о существовании уникальной рукописи Корана, «принял меры», в результате которых Коран за вознаграждение в сумме 500 коканов (что равно 100 руб.) поступил в его распоряжение и был им переправлен в Ташкент генерал-губернатору Туркестана Кауфману. 24 октября 1869 г. тот подарил его Императорской публичной библиотеке Петербурга, за что получил звание ее почетного члена. Кауфман полагал, что этот Коран ни для кого, кроме эмиров Бухары, интереса не представляет, что никто его не может прочесть и предметом культа он не является.

Известно, что Коран Османа был отдан не так уж «добровольно». Его прятали, пытались всеми средствами избежать выдачи его русской администрации, но не смогли это сделать. Попав в Рукописный отдел Публичной библиотеки Санкт-Петербурга, Коран стал объектом исследования востоковедов. Первым дал его палеографи-

¹ Перечень этих версий и все основные сведения о Коране Османа как памятнике истории ислама можно найти в статье Т. А. Стецкевич «Коран Османа» (Наука и религия, 1975, № 7).

ческое описание, датировал и сравнил с экземплярами, хранящимися в Париже, Берлине и Мекке, арабист А. Ф. Шebuнин. Он установил, что рукопись относится к началу VIII в., что составлена она на территории Ирака и, вероятно, сделана с того списка Корана Османа, который был отправлен в Басру после составления унифицированного текста. Что же касается пятен крови на его страницах, то они, по мнению исследователя, нанесены искусственно и довольно грубо. Во-первых, кровь расплывается симметрично на каждом из испачканных листов. Очевидно, что они складывались, когда кровь была еще свежей. Во-вторых, кровавые пятна имеются почему-то не на каждом листе, а через лист. Это заключение А. Ф. Шebuнина не было ни оспорено, ни опровергнуто мусульманскими богословами, защитниками подлинности Корана Османа, они просто не упоминают об этом факте.

Однако на этом история Корана Османа не закончилась. 1(14) декабря 1917 г. Краевой мусульманский съезд Петроградского национального округа обратился в Народный комиссариат по национальным делам с просьбой вернуть «священную реликвию» мусульманам. Ровно через пять дней 6 (19) декабря Совет Народных Комиссаров принял по этому поводу следующее решение: «Выдать немедленно» — и дал соответствующее распоряжение наркому просвещения А. В. Луначарскому, в ведении которого находилась Государственная публичная библиотека.

Коран был вручен Всероссийскому мусульманскому совету, находившемуся в то время в Уфе. Оттуда он в 1924 г. был передан в Ташкент, затем в Самарканд, где некоторое время по-прежнему находился в мечети Ходжи Ахрара. С 1941 г. местом его постоянного хранения стал Музей истории народов Узбекистана в Ташкенте. И это закономерно, ибо, конечно, Коран Османа — это не только и не столько реликвия, сколько памятник исто-

рии ислама, а стало быть, и истории культуры ряда народов Переднего и Ближнего Востока, сложные этнические и исторические судьбы которых нашли отражение в весьма запутанной и во многом неясной судьбе рассмотренного нами экземпляра. Остается добавить, что в 1905 г. с Корана Османа было отпечатано факсимильное издание тиражом в 50 экземпляров. Часть из них поступила в распоряжение арабистов. Один экземпляр хранится сейчас в Государственном музее истории религии и атеизма в Ленинграде и выставлен в экспозиции отдела ислама и свободомыслия народов Востока.

Мы остановились столь подробно на двух реликвиях ислама с целью показать, сколь условно само понятие реликвия по отношению к ним, сколь противоречивы исторические факты и свидетельства об их подлинности и как все это мало значит вообще, ибо мифологическая основа в культе любой реликвии важнее исторической истины,— об этом мы уже говорили выше.

Список реликвий ислама насчитывает тысячи предметов. Среди них самое почетное место занимают вещи пророка: сандалии, плащ, куски одежды, кубок, копье, посох, кусок его миски, шило и т. д. Эти предметы исчисляются десятками. Исследователь ислама И. Гольдциэр, уделивший внимание и культу реликвий в нем, в свое время не без иронии отметил, что именно в связи с реликвиями «проявилось много бессознательного самообмана и сознательного обмана»¹. Действительно, по мере того как возрастал спрос на реликвии, росло и их количество. Экономическая формула «спрос рождает предложение» как нельзя более подходит к ситуации с реликвиями в любой религии. Потребность в сандалиях пророка оказалась столь велика, что появились рисунки с их изображением и даже их литературные описания. Сандалии пророка народная мифология приписала особо

¹ Гольдциэр И. Культ святых в исламе. М., 1938, с. 90.

чудодейственные свойства: считалось, что она может защитить дом от пожара, караван — от вражеского нападения, корабль — от крушения, богача — от разорения. И если уж не удавалось раздобыть «настоящую» сандалию с приличной генеалогией (впрочем, последняя была необязательна), то довольствовались суррогатом в виде ее изображения или описания.

Очень высоко ценились автографы пророка. Порою они столетиями хранились в семьях, ведших свою родословную от современников пророка, с которым они находились в каких-либо контактах и получили от него документ на владение теми или иными землями. Однако самой великой ценностью в мусульманском мире, обладать которой стремились все верующие, считались волосы из бороды или с головы пророка. В странах ислама этих волос насчитывается столь большое количество, что потребовалось специальное богословское обоснование такого явления. Оно не замедлило появиться: оказывается, волосы пророка сами по себе удлинняются и размножаются, так что из одного волоса может появиться множество новых, и это вовсе не чудо, а совершенно естественное явление, ибо божественное существование пророка вовсе не закончилось с его смертью, а продолжает проявлять себя самым разнообразным, в том числе и таким, образом. Волосы использовались в качестве амулетов, многие владельцы таких амулетов просили после смерти положить их себе на глаза, веря в присущую им чудотворную силу не только в «этой» жизни, но и в «той».

В г. Конья, бывшей столице первого государства турок-сельджуков — Иконийского султаната, ныне центре одноименного вилайета в Турции, в мечети Мевланы и сейчас хранится реликвия, в подлинности которой не сомневается ни один мусульманин, — борода пророка. Она заперта в ларце, стоящем за стеклянной витриной. Говорят, что еще сравнительно недавно из ларца высовывался клочок седых волос. Потом его запрятали в ла-

рец, опасаясь действия «исходящей от него» магической силы.

Музей Топкапы в Стамбуле, бывшая резиденция турецких султанов, может похвастаться совершенно уникальным экспонатом — мумифицированной человеческой рукой, оправленной в серебро, выдаваемой за «руку пророка Мухаммеда»¹. Верующие благоговейно умолкают при виде такой реликвии, неверующие равнодушно проходят мимо, и никто из них не задумывается над тем фактом, что в свое время тело пророка было погребено со всеми руками и ногами при большом стечении народа.

Ничуть не менее волос пророка популярны зубы Увейса аль Карани, полуисторической-полулегендарной личности, почитаемой в качестве святого во многих мусульманских странах — от Малой Азии до Кашгара и от Северной Индии до евразийских степей. Правда, известен он в них под разными именами: Увейс Карани, Ваис Карани, казахи называют его Ойсыл-кара, туркмены — Вейис-баба, а узбеки Хорезма — Султан-бобо. Неизвестно, был ли он сподвижником Мухаммеда или просто благочестивым пастухом, но легенды гласят, что Омар и Али вручили ему подарки пророка (плащ и колпак) за его выдающиеся заслуги. А заслуг у него было немало. Например, бродил он босой и голый, едва прикрытый паласом, громко читал молитвы и выкрикивал: «Ху! Ху!» (это одно из имен Аллаха). Он просил бога отпустить всех грешников, чтобы самому наставить их на путь истинный, и бил себя камнем по голове до тех пор, пока бог не согласился. Но главная его заслуга следующая: узнав, что Мухаммеду в битве с врагами выбили камнем один зуб, Увейс аль Карани решил тоже лишиться себя зуба, однако, не зная, какой именно зуб потерял пророк, он выбил у себя все тридцать два.

¹ См.: Пиотровский С. Свет и тени Турции. М., 1981, с. 169—170.

Как сообщает советский этнограф Г. П. Снесарев в своей книге «Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии», хорезмийцы считают, что это событие произошло как раз на их земле, и в память о нем показывают груды камней, увенчанную шестью с привязанными к ним по обету узкими полосками тканей. На самом деле это сооружение не что иное, как древнее языческое святилище. Такие же святилища расположены в районах Центральной и Средней Азии и Южной Сибири с глубокой доисламской древности.

Зубы Увейса аль Карани «разбрелись» по всему мусульманскому миру, заняв в списке святых реликвий одно из почетных мест. С ними связано следующее поверье: якобы в память именно о них созданы мусульманские четки, в которых насчитывается 33 или 99 зерен. Число 33 — это 32 зуба святого плюс один зуб пророка, а 99 — это 33, умноженные на 3. Насчет происхождения четок в исламе есть и другие мнения, но культу зубов Увейса аль Карани эта версия весьма помогает.

Любопытно, что отношение к подобным реликвиям на протяжении 14 веков существования ислама постепенно менялось. Если сначала их рассматривали как вид амулетов, находящихся в пользовании частных лиц, то со временем их назначение и осмысление приняло иной характер. Во-первых, обладание реликвиями пророка стало рассматриваться как один из доводов в пользу присвоения сана халифа. Во-вторых, если поначалу их хранили в частных домах, то со временем, когда они сделались составной частью мусульманского культа, местом их хранения стали мечети. И хотя, по мнению ряда мусульманских богословов, это противоречит «духу сунны», согласно которому все реликвии должны быть погребены вместе с теми, чьей принадлежностью они являлись, культ реликвий постепенно набирал силу.

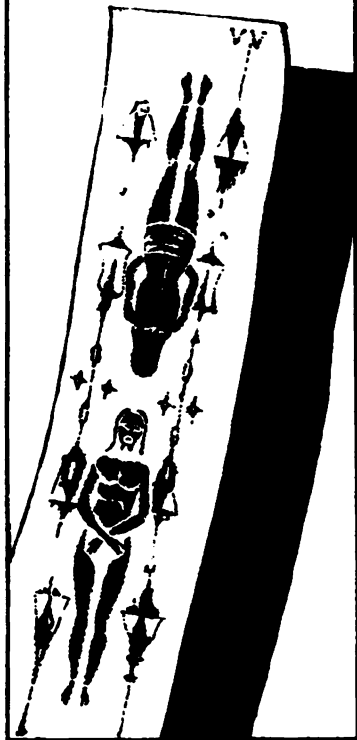
Сосредоточение в одной мечети нескольких реликвий

сразу резко увеличивало в глазах верующих «богоугодность» такой мечети, что, в свою очередь, немедленно сказывалось на росте ее богатства и политического влияния. Так, в опубликованном каталоге реликвий, хранящихся в бывшей падишахской мечети государства Великих Моголов в Лахоре (ныне Пакистан), насчитывается 28 предметов: семь принадлежали самому пророку, три — зятю пророка Али, две — дочери пророка Фатиме, пять — внуку пророка Хусейну и т. д. Считается, что часть этих предметов была вывезена Тимуром после взятия Дамаска, а часть — подарена султаном Баязидом потомку Тимура Бабуру. После падения династии Великих Моголов в Индии они оказались сначала в частном владении, а во второй половине XIX в. разными путями попали в Лахорскую мечеть.

Случилось и небольшое «чудо» (можно даже сказать «дежурное чудо», которое имеет место в истории почти всех достаточно известных реликвий). Во время большого пожара сгорело все, кроме здания, в котором хранились реликвии.

Впрочем, исторический опыт, как явствует из вышеизложенного, показывает, что порой даже если реликвия сгорает или теряется где-то во тьме веков, то интерес к ней отнюдь не ослабевает, а разгорается с новой силой. И если даже реликвия заведомо является копией, подобное обстоятельство отнюдь не снижает ореола ее святости в глазах верующих. Это относится к реликвиям всех религий и очень ярко видно на примере реликвий ислама.

ЗАГАДКА ТУРИНСКОЙ ПЛАЩАНИЦЫ

Осенью 1978 г. в итальянском городе Турине в кафедральном соборе св. Джованни Баттиста (Иоанна Крестителя) была выставлена на всеобщее обозрение реликвия, известная во всем мире как туринская плащаница. Выставка была приурочена к 400-летию ее появления в Турине. 3 миллиона 300 тысяч паломников со всех концов света (таково официальное число посетителей выставки за шесть недель ее работы) днем и ночью стояли в очереди, в надежде хотя бы издали взглянуть на святыню, которую папа Павел VI назвал самой важной реликвией в истории христианства. Эта выставка была третьей за последние сто лет. Параллельно заседал конгресс на тему «Плащаница и наука», а по улицам бродили сотни людей, вместо одежды завернутые в льняные полотнища, являя собою живое свидетельство того, до какой степени мысль о необычности этого предмета овладела умами тех, кто хотел бы узнать разгадку этого феномена.

Что же собой представляет этот таинственный предмет? По утверждению католической церкви, плащаница (или покров) является тем самым полотном, в которое был завернут Иисус Христос после снятия его с креста и которое было найдено в пустой могиле после его чудесного воскресения. Она представляет собой льняное полотно размером 4,3 метра в длину и 1,1 метра в ширину. В ряде мест на ней имеются повреждения, поскольку за свою долгую историю она испытала немало превратностей (пожар, ее перевозили из церкви в церковь и даже из страны в страну), но эти повреждения не затронули центральной части плащаницы, где и находится то, что сделало ее столь знаменитой,— изображение тела и головы человека. Цвет самого полотна желтовато-белый, а отпечатки на нем проступают в виде желтовато-коричневых пятен, при непосредственном наблюдении довольно расплывчатых, но тем не менее явственно очерчивающих тело, руки, ноги, лицо, волосы лежащего человека. На одной половине плащаницы это отпечаток человека, лежащего лицом вверх, головой к центру полотна, а на другой — такой же отпечаток со спины, так что отпечатки головы в лицевой и затылочной части почти соприкасаются.

Кроме желто-коричневых отпечатков лица и тела на плащанице есть более темные красно-коричневые пятна, соответствующие многочисленным большим и малым ранам Христа, которые, согласно евангельским сказаниям, были нанесены ему при распятии (следы ударов бича, уколов тернового венца, ран от гвоздей в запястьях и нижних частях голеней и от копья в правом боку). Всего этого вполне достаточно, чтобы миллионы последователей Христа, видевшие эту плащаницу или знающие о ней понаслышке, воспринимали ее как материальное свидетельство страстей господних.

Однако обратимся к истории. Первое документированное упоминание об этой плащанице относится к 1353 г.

Она появилась в полном смысле слова неизвестно откуда во Франции в местечке Лирей недалеко от Парижа во владениях графа Жоффруа де Шарни. Граф вскоре умер, унеся с собой в могилу тайну ее появления. В 1357 г. она была выставлена в маленькой церкви во владениях графа, сразу вызвав большой приток паломников и недовольство католического епископата, вполне резонно рассудившего, что неожиданное появление такой реликвии скорее всего свидетельствует о ее подложности. Местный епископ Анри де Пуатье выразил порицание священнику за выставление плащаницы, а его преемник Пьер д'Арси обратился к папе Клименту VII в 1389 г. с просьбой запретить дальнейший показ реликвии, мотивируя ее тем, что некий (безымянный) художник сознался, что это дело его рук. 6 января 1390 г. Климент VII, объявленный впоследствии антипапой, произнес свой приговор по данному вопросу: плащаницу разрешалось выставлять только в том случае, если при этом разъяснялось, что это не настоящий покров Иисуса Христа, а всего лишь картина или рисунок, изображающие покров.

Казалось бы, вопрос решен. Высшая заинтересованная инстанция — глава католической церкви, склонная скорее признать любую фальшивку подлинником, если только она служит на «благо веры», а вовсе не наоборот, объявила плащаницу подделкой. Однако это лишь на время приглушило связанные с ней страсти, которые после пожара 1532 г. в церкви местечка Шамбери и «чудесного» спасения плащаницы из огня вспыхнули с новой силой. Более двухсот лет она находилась во Франции. В 1453 г. Маргарита де Шарни, внучка первого владельца плащаницы, вручила ее Савойскому дому, а в 1578 г., вследствие затяжных религиозных смут и войн, герцог Савойский в интересах безопасности перевез ее в столицу своего герцогства Турин уже в качестве признанной реликвии христианского мира.

Споры о ее подлинности или подложности периодически разгорались на протяжении всех шести веков. Разумеется, «за» плащаницу (то есть за ее подлинность) выступали клерикалы и верующие, мотивируя в основном понятием «чуда» и не интересуясь какой-либо аргументацией «против». В лагере же противников плащаницы находилась наиболее свободомыслящая часть общества, справедливо полагавшая, что большинство реликвий всех религий мира — подделки и фальшивки.

В эти в значительной степени абстрактные споры внес новую струю XX век с его научными и техническими возможностями. Как ни странно, но появление более совершенных средств научного анализа не внесло полную ясность в казавшийся для скептиков очевидным вопрос о поддельности плащаницы, а делало его все более и более спорным.

Все началось с первой фотографии плащаницы, сделанной в 1898 г. во время ее очередной выставки. К изумлению фотографа, проявлявшего пластинку, расплывчатые пятна изображения на ткани получились на негативе гораздо более четкими и позволили выявить множество неразличимых простым глазом деталей. Более того, стало очевидным, что само изображение имеет характер негатива, иными словами, темными на нем являются те участки, которые на обычном изображении были бы светлыми, и наоборот. Поэтому на фотопластинке получилось именно позитивное изображение, обладавшее реалистическими чертами человеческого лица и тела, не воспринимавшимися столь ясно на подлиннике.

Исследованием фотоснимков плащаницы занялись профессор сравнительной анатомии университета Сорбонны И. Деляж и биолог П. Виньон. Они нашли, что и лицо и тело до мельчайших деталей совершенно точны анатомически, более того, они смогли обнаружить характерные черты посмертного окоченения, наступившего в распятом положении, проявляющиеся в прямизне ко-

нечностей, подгибе больших пальцев, расширенности грудной клетки, напряженности бедренных мускулов. Подтеки крови, по мнению ученых, выглядят так, как будто они образовались на теле естественным путем. Они отражают положение распятого тела (в особенности подтеки на предплечьях и от ран на запястьях) и позволяют установить, как были расположены руки в момент образования этих подтеков. Небольшие отклонения в направлении ручейков крови говорят о том, что распятый человек от боли и затруднения дыхания дергался. Помимо следов ран от гвоздей, копья и терний имеется множество следов небольших ран, оставленных металлическими крючками, которые крепились на биче. Мелкие царапины и припухлости на лице и теле окончательно убедили исследователей в том, что перед ними не рисунок, пусть самый реалистический, а естественно образовавшийся отпечаток с реального мертвого тела.

Все эти совпадения были настолько ошеломляющи, что Деляж, который вовсе не был верующим католиком, а, наоборот, был известен как атеист и скептик, и его коллега Виньон пришли к выводу, что отпечаток на плащанице действительно оставлен телом распятого евангельского Иисуса Христа. Их заявление произвело сенсацию в одних кругах и вызвало шоковое состояние в других. Однако это было только началом исследования плащаницы.

Ряд новых фотографий был сделан в 1931 г. Эти фотографии были более детальны, получены с помощью более совершенной техники, чем в 1898 г., и по ним были проведены повторные исследования. В целом подавляющее большинство патологоанатомов, исследовавших плащаницу, придерживаются мнения, что анатомически безупречное изображение позволяет считать его отпечатком, полученным с трупа, а не со статуи, и не рисунком. Есть, правда, и другие мнения, которых мы коснемся ниже.

Одним из наиболее удививших публику элементов изображения на плащанице является то, что гвозди, пронзающие руки, проходят через кости запястья, тогда как на всех без исключения средневековых изображениях тела Христа гвоздями пробиты не запястья, а ладони. Французский хирург П. Барбе провел ряд опытов на трупах по выяснению условий формирования ран, идентичных восстанавливаемым по плащанице. Он установил, что тело не удержится на кресте, если гвозди будут вбиты в ладони. Ткани ладони разрываются под тяжестью значительно меньшей, чем тяжесть тела. Только гвозди, вбитые в запястье, способны выдержать эту тяжесть.

Уже сравнительно недавно археологические раскопки кладбищ I—II вв. в Палестине дали материал, подтверждающий выводы Барбе и других исследователей плащаницы. В частности, был найден скелет молодого человека по имени Иоханан (имя значило на саркофаге), который, несомненно, был распят, а затем, очевидно, выдан родственникам для захоронения. Руки его пробиты в запястьях (можно было даже определить стертость костей о гвоздь в результате конвульсий на кресте), а обе ноги были пробиты одним гвоздем (гвоздь с остатками дерева сохранился среди костей). Отличие скелета Иоханана от евангельских описаний распятия состоит в том, что его берцовые кости были перебиты. Известно, что в Палестине это делалось для ускорения смерти казненных, поскольку римляне вынуждены были считаться с религиозными взглядами евреев, согласно которым труп должен быть захоронен в день смерти до заката солнца. По этим же мотивам трупы казненных отдавали родным для захоронения. В остальных частях империи этого не делалось. Распятие до окончательной агонии мучились на кресте сутки и более, а трупы их либо оставались висеть, либо выбрасывались на съедение хищникам.

Значительный сдвиг в характере научных исследований по проблеме плащаницы произошел в 70—80-х годах. В 1969—1973 гг. католическое духовенство, ответственное за хранение туринской плащаницы, создало комиссию из 11 членов, пятеро из которых были учеными различных специальностей для разработки мер по дальнейшему сохранению реликвии и по ее исследованию. Выводы комиссии были опубликованы в 1976 г. в приложении к журналу Туринской епархии и в появившихся вслед за этим специальных статьях.

Комиссия провела ряд анализов плащаницы, в частности, на состав ее волокна, на наличие на ней пыльцы различных растений, следов реальной крови в кровавых пятнах и т. д. Однако ее выводы не полностью удовлетворяли научную общественность. В 1978—1981 гг. право на повторное исследование плащаницы с разрешения ее юридического владельца — главы Савойского дома, бывшего короля Италии Умберто II, жившего в изгнании в Португалии (несколько лет назад он умер, завещав плащаницу Ватикану), было предоставлено группе американских ученых, известной под названием СТурП (от начальных букв английских слов Shroud of Turin Research Project — Проект исследования туринской плащаницы). В нее вошло около 30 ученых и техников, использовавших новейшую электронную аппаратуру. Ниже мы попытаемся дать сводку данных обеих комиссий и истолкование, которое им дают как сторонники, так и противники подлинности плащаницы.

Можно выделить следующие данные, объективная оценка которых играет решающую роль в вопросе о подлинности или поддельности плащаницы. Это прежде всего сама ткань, ее состав, способ изготовления, время изготовления, загрязненность и т. п.; анализ на содержание крови и краски в изображении на полотне; детали изображения и определение способа, каким был создан отпечаток тела на ткани.

Полученные экспертами данные по этим вопросам говорят следующее. Ткань представляет собой льняное полотно, тканое зигзагом 3 на 1 — распространенный способ ткачества в античности. Нить была спрядена на ручном веретене. Кроме льна в составе ткани найдено несколько хлопковых волокон. Хлопок принадлежит к азиатскому виду. На этом основании некоторые комментаторы считают вероятным ближневосточное и достаточно раннее происхождение ткани, ссылаясь на то, что хлопок в Европе появился относительно поздно (в Испании свой собственный — с VIII в., в Голландии привозной — с XII в.), а также на то, что прядение на ручном веретене сменилось прядением на колесной прялке по всей Европе на рубеже XII—XIII вв.

Следует учесть также, что в Палестине в начале нашей эры хлопок и лен могли ткать на одном станке, но для шерсти применялись отдельные станки, что объяснялось иудейскими религиозными запретами смешивать при обработке изделия растительного (хлопок и лен) и животного (козья и овечья шерсть) происхождения. В средневековой Европе таких запретов не было, и поэтому в льняной европейской ткани скорее можно ожидать примесь шерстяных волокон. Все это, разумеется, не исключает полностью возможности европейского средневекового происхождения ткани, но делает его маловероятным, а более раннее ближневосточное происхождение — гораздо более реальным.

Среди загрязнений, имеющих на ткани, обнаружены кусочки проволоки, остатки насекомых и, что особенно интересно, пыльцы. Анализ пыльцы установил, что она относится к 49 видам растений, из которых 16 встречаются в Северной Европе, 13 — представляют собой солелюбивые и пустынные растения, растущие только в Южной Палестине и бассейне Мертвого моря, остальные 20 встречаются в Юго-Западной Турции, Северной Сирии, районе Стамбула. Вывод специалистов — ткань сопри-

касалась с открытым воздухом в Палестине, Турции, Европе. Предположение о возможном занесении пыли в состав ткани ветром, прилетевшим издалека, исключается.

Кроме того, на ткани имеются 24 прожога на угловых складках — следы пожара 1532 г. Очевидно, для того чтобы очистить плащаницу от следов пожара, ее проварили в масле и частично промыли водой. Все это было установлено различными физико-химическими анализами.

Из всего этого набора данных о ткани наибольшее сомнение у скептиков вызывают результаты пыльцевого анализа. Они утверждают, что надежность определения ближневосточных видов растений под вопросом и что количество такой пыли очень невелико, она могла попасть на ткань случайно, например с вещей, привезенных в Европу крестоносцами.

Один из самых острых вопросов, вокруг которого сталкиваются мнения как защитников, так и противников подлинности плащаницы, — это определение следов крови и краски в отпечатке образа.

Анализы, сделанные туринской комиссией в 1973 г., никаких следов крови выявить не смогли. Однако использованная в 1978—1981 гг. более современная методика позволила проводившим анализы специалистам утверждать, что в так называемых кровавых пятнах на плащанице есть следы таких компонентов крови, как гемоглобин, билирубин и др. Более того, они утверждают, что это не просто кровь, а именно человеческая кровь (точнее говоря, кровь существа, относящегося к приматам). Опять-таки скептики подвергают сомнению точность этих данных и выдвигают возражения, что белок обязан своим присутствием клею, на котором была приготовлена краска типа темперы, и, кроме того, что художник-фальсификатор мог использовать и настоящую кровь при изображении кровавых пятен.

Американские ученые С. Пелликорн и М. Эванс, исследовавшие под микроскопом участки ткани, считающиеся окровавленными, пришли к мнению, что большинство пятен действительно похожи на следы крови. Волокна ткани были окрашены в коричневый цвет, какой кровь приобретает со временем. Кое-где имелись микросгустки, похожие на свернувшуюся кровь, однако в ряде мест они были чересчур яркими. Возникла мысль проверить, способна ли кровь при каких-то особых условиях сохранить свою окраску. С этой целью в американских музеях начались поиски экспоната из ткани, имеющего на себе следы человеческой крови. Самым «древним» экспонатом оказалась рубашка американского президента Авраама Линкольна, бывшая на нем в день его убийства 14 апреля 1865 г. Срок ее давности был явно недостаточным, и вопрос о ярко-красных пятнах остался открытым.

Что касается краски, то на плащанице обнаружены очень незначительные следы красящих пигментов коричневого и красного цвета. Это окислы железа и киноварь. Однако их совершенно недостаточно, чтобы создавать видимое изображение. Оно всецело обусловлено потемнением целлюлозы самих волокон ткани в результате вызванной неизвестным фактором дегидратации (то есть обезвоживания). Учитывая, что плащаницу не менее 60 раз перерисовывали, мельчайшие частицы краски в процессе этого копирования вполне могли попасть на полотно. Таким образом, хотя частицы краски и обнаружены, тем не менее сами по себе они не дают возможности утверждать, что образ на плащанице был нарисован.

Сторонники подлинности плащаницы как истинной реликвии распятия Христа приводят в подтверждение своей концепции ряд характерных мелких деталей, выявившихся в ходе исследования отдельных участков изображения. Выяснилось, что они совпадают как с

описанием казни Христа в Евангелиях, в первую очередь в Евангелии от Иоанна, так и со ставшими известными в результате недавних археологических раскопок в Палестине деталями обряда римского распятия в Палестине и еврейского похоронного ритуала начала нашей эры.

Терновый венец, судя по капелькам крови на отпечатке головы, имел форму шапочки, похожей на митру. Именно такой была форма короны как атрибута власти на Востоке. Почти все европейские средневековые изображения Христа рисуют его в венце, имитирующем корону европейского типа, то есть в виде обруча. Лишь в позднем средневековье, как многие считают, под влиянием образа на плащанице, появляются изображения Христа в митрообразном венце и с гвоздями, вбитыми не в ладони, а в запястья. Однако сторонники поддельности плащаницы, среди них известные судебно-медицинские эксперты, утверждают, что кровь не могла протечь аккуратными струйками через волосы, а должна была загустеть и расплыться в них.

Прическа человека на плащанице совпадает с наиболее распространенной прической у евреев начала нашей эры: это волосы, спадающие на плечи, борода, усы. Кроме того, по мнению ряда экспертов, у него была косичка на затылке. Если первые три компонента представлены на всех иконах, то прически с косичкой нельзя найти ни на одном известном средневековом изображении Христа. Ни один письменный источник раннего христианства не упоминает о наличии косы у Христа, однако ничего невероятного в такой прическе нет. Возможно, что евангельский Христос, как и ветхозаветный Самсон, был назореем, то есть человеком, посвятившим себя служению богу. В число ритуальных правил, соблюдавшихся назореем, входил запрет стричь волосы. Возможно, длинные, никогда не подстригавшиеся волосы сами произвольно свивались в локоны или косы, а,

может быть, порвавший с ортодоксальным иудаизмом Христос мог заплетать косу намеренно — это все лишь предположение, ибо ни история, ни мифология христианства нам ничего по этому вопросу не говорят. Но нельзя не считаться и с мнением скептиков, утверждающих, что рисунок на плащанице, напоминающий косу, происходит не от отпечатка волос, а от перемены направления ткацкого челнока в этом месте, то есть образован фактурой самой ткани.

Тело человека на плащанице полностью обнажено. Это идет вразрез со средневековыми представлениями о приличиях, в соответствии с которыми распятый Иисус Христос всегда изображался в одежде: сначала в хитоне, впоследствии — в набедренной повязке.

Большой интерес вызвали проявившиеся при микрофотографировании в поляризованном свете и при компьютерном сканировании изображения (когда по плоскому отпечатку был восстановлен предполагаемый объемный прототип) отпечатки монет на глазах человека с плащаницы.

Археологически подтверждено, что евреи в начале нашей эры клали монеты на глаза погребенного и хоронили тело вместе с ними (римляне и эллины тоже клали монеты, но не на глаза покойному, а в саркофаг рядом с останками). Однако дело не только в том, что обнаружены отпечатки монет. Как утверждают специалисты, производившие фотографиями, и подтверждают это многочисленными фотографиями, на полотне отпечатались некоторые элементы рисунка монет, чеканившихся только около 30 г. н. э. Одна из них весьма редкая монета — лепта Пилата, на которой надпись «император Тиберий» (TIBERIOU KAICAROC) дана с ошибкой, а именно не KAICAROC, а CAICAROC. На микрофотографиях видны только буквы U CAI, однако их форма полностью совпадает с формой букв лепты Пилата. Любопытно, что до публикации этих фотографий нумизматам

Рельефное изображение человека на туринской плащанице, полученное после того, как с помощью ЭВМ по плоскому отпечатку был восстановлен предполагаемый объемный прототип.

не было известно о существовании варианта монеты с ошибкой, но после публикации в разных коллекциях обнаружилось пять таких монет.

Один из аргументов «против» плащаницы — неточное соответствие реконструируемых по ней деталей обряда погребения погребальному ритуалу евреев начала нашей эры. Классический погребальный обряд предусматривал отдельно саван для тела (синдон) и отдельно ткань,

обертываемую вокруг головы (сударион), и, кроме того, повязки для рук и ног (кейри). Оспаривается мнение, что евреи прикрывали монетами глаза умерших, а также то, что после омовения тела на нем могла сохраниться кровь, давшая отпечаток на ткани. Сомнения столь же правомерные, сколь и неразрешимые в сегодняшней ситуации, хотя попытки объяснения каждого из них имеются. Наиболее естественное, однако чисто умозрительное объяснение состоит в том, что необычность вида казни (евреи своих преступников забивали камнями, а распятие — римский способ, применявшийся римлянами по отношению к преступникам на всей территории империи) и стремление как можно быстрее совершить обряд погребения, пока не зашло солнце, могли вызвать отклонения в ортодоксальном ритуале погребения.

Самым неясным и загадочным является то, каким образом появилось изображение на плащанице. Предположим, что оно представляет собой естественно получившийся отпечаток тела распятого человека. Тогда возникает ряд трудноразрешимых вопросов. Если только полотно не было туго натянуто на труп, а лежало на нем свободно, изгибы и складки ткани неминуемо должны были привести к искажению очертаний лицевой части образа. Уже упоминавшееся восстановленное объемное изображение базируется на изменениях тонов коричневых пятен на плащанице. Отсюда делается вывод, что не везде полотно плотно прилегало к телу и более светлые отпечатки соответствуют тем местам, где полотно находилось от тела на некотором удалении. Здесь мнения экспертов расходятся. Одни утверждают, что никаких искажений в пропорциях тела нет, другие считают, что искажения есть, но они соответствуют отпечатку на ткани, если ею задрапировать человеческую фигуру.

Как же все-таки получилось изображение? Для объяснения этой загадки было выдвинуто предположение, что благовонные масла и ароматические вещества (мирра

и алоэ), которые, согласно Евангелию от Иоанна (19:39), были положены в могилу вместе с телом в количестве «литр около ста», что в переводе на нашу систему мер означает примерно 30,6 килограмма, впитались в полотно и сделали его чувствительным к испарениям тела. Болезненный пот, выступивший на теле после пыток, содержал много мочевины, которая дала аммиачные испарения, воздействовавшие на ткань и вызвавшие впоследствии ее потемнение. В какой-то мере этот процесс удалось экспериментально повторить, однако получившееся смутное изображение никоим образом не может быть сравнено с образом на плащанице. Сейчас установлено с полной достоверностью, что изображение на плащанице создано различными оттенками потемнения поверхностных волокон ткани в результате дегидратации (обезвоживания) целлюлозы. Дегидратация целлюлозы — естественный и повсеместно идущий процесс. Именно им обусловлено пожелтение и даже побурение всех старинных тканей и бумаг. Нагрев, радиация, химическое воздействие разных веществ (кислот, щелочей, пота, грязи) ускоряют его, так что подверженные воздействию внешних факторов участки темнеют больше, чем защищенные. В ходе эксперимента было обнаружено, что ткань, постиранная предварительно в отваре мыльного корня, темнеет в результате дегидратации целлюлозы под воздействием физических или химических факторов гораздо интенсивнее, чем нестираная ткань. Мыльный корень широко применялся для стирки тканей в античности, но предположение о его использовании объясняет лишь повышенную чувствительность ткани плащаницы к воздействию на нее внешних факторов, но не сами эти факторы.

Самые рьяные сторонники подлинности плащаницы вынуждены признать, что механизм образования изображения остается нераскрытым. Они ссылаются на особые условия, создавшиеся в гробнице, на различные спорные

эффекты, остающиеся малоизученными наукой, а порой и прямо апеллируют к чуду.

Оставив в стороне вопрос о чуде, отметим, что проблема механизма формирования образа является самым слабым местом в аргументации и противников подлинности плащаницы. Имеется несколько предположений относительно того, как могло быть получено искусственно такое изображение: это рисунок, отпечаток с деревянной гравюры, протирка с барельефа, частичное обугливание ткани, натянутой на горячую статую, отпечаток с раскрашенного глиняного пресса. Предполагалось при этом, что если применялись краски, то потом они были смыты и остались лишь их ничтожные следы, но, вступив в химическую реакцию с целлюлозой, содержащейся в полотне, эти краски вызвали его потемнение. Указанными способами были получены экспериментальные отпечатки — имитации, однако все они по своему характеру в том или ином отношении существенно отличаются от микроскопически выявляемой структуры окрашенных волокон плащаницы и не дают изображения, сравнимого с ней по детальности.

Таким образом, достоверно воспроизвести механизм получения искусственного отпечатка, сопоставимого с образом туринской плащаницы, ни одним из известных ныне способов не удастся. Разумеется, можно предположить, что в средние века существовал какой-то особый художественный рецепт, который впоследствии был утрачен, но тогда придется признать, что до нас дошло одно-единственное полученное с его помощью изображение, а именно сама плащаница.

После того как наша статья о плащанице впервые была опубликована в журнале «Наука и религия» (1984, № 9), а затем в журнале «Наука и жизнь» (1984, № 12), читатели этих журналов прислали в их редакции многочисленные письма со своими соображениями о природе этой необычной реликвии. Многие из авторов — специалисты в

разных областях знания: физики, химии, медики, микробиологи. В их письмах предлагаются различные новые гипотезы о возможном происхождении отпечатка тела на льняной ткани¹.

Наиболее подробно обосновано предположение о воздействии на ткань повышенного уровня радиоактивности отпечатавшегося трупа. Повышенная радиоактивность вполне могла быть присуща телу человека, жившего в пещере с высоким фоном радиации или питавшегося растениями, выросшими на подобной почве. То и другое не могло нанести существенного ущерба здоровью человека, но накопление радиоактивных изотопов в костях за длительное время могло бы воздействовать на погребальную пелену. Однако слабая сторона этой гипотезы в том, что воздействие радиоактивности на ткань должно было быть очень длительным, говоря проще, ткань должна была пролежать в гробу вместе с телом 700—800 лет. Между тем ряд данных заставляет думать, что даже если плащаница была наложена на тело человека, распятого в I в., то изображение впервые было замечено не в VIII—IX вв., как должно было быть в таком случае, а значительно раньше.

Другие авторы писем предполагают происхождение изображения вследствие удара молнии, как результат заболевания человека порфирией (или красной волчанкой) — болезнью, при которой выделяется окрашивающийся на свету пот, вследствие деятельности разлагающих целлюлозу микроорганизмов и т. д. Следует, однако, признать, что все эти предположения достаточно уязвимы для критики. Трудно поверить, что совокупность случайных факторов могла естественным путем привести к формированию такого почти безупречного, лишённого искажений изображения, каким является образ на плащанице.

¹ С обзором писем и выдвинутых в них гипотез можно познакомиться в журнале «Наука и религия», 1985, № 9.

В обзоре писем есть и мнение судебно-медицинского эксперта. Он рассматривает расположение подтеков крови и считает, что изображение этих подтеков было намеренно нанесено на ткань, а не могло образоваться как отпечаток окровавленного тела.

Короче говоря, для того чтобы раскрыть загадку плащаницы, необходимы более тщательные ее исследования. Та информация, которой наука располагает на сегодняшний день, оставляет слишком много места для спорных и произвольных суждений.

Один из главных аргументов, который выдвигается против подлинности плащаницы,— и надо отметить, что он достаточно весом,— это отсутствие каких-либо достоверных исторических упоминаний о ее существовании и местонахождении в течение 13 веков с момента, когда, согласно христианской традиции, Христос был распят, и до 1353 г.— времени ее первого появления во Франции. В конце XIV в. это был главный довод, который использовали определенные круги католической церкви в борьбе со все растущей популярностью плащаницы. Более того, как раз в это время в Европе появилось несколько (по одним данным — около 10, по другим — более 30) тоже якобы посмертных покровов Христа, привезенных крестоносцами с Ближнего Востока. Однако ни один из них, судя по всему, не имел на себе какого-либо изображения. Тем не менее есть несколько гипотез, выдвинутых различными исследователями, пытающихся как-то восполнить этот пробел.

Имеются упоминания, что некоторые крестоносцы, разбившие лагерь в 1203 г. возле Константинополя (который они разграбили годом позже), видели в одной из церквей погребальный покров Христа, на котором имелось изображение его фигуры. Историк И. Уилсон предполагает, по некоторым данным, что плащаница тайно хранилась и почиталась рыцарями ордена тамплиеров с 1204 г. до начала XIV в. (в 1312 г. папа Климент V упразд-

нил этот орден), а потом в силу каких-то обстоятельств попала в руки графа де Шарни.

Есть также предположение, что так называемый мандилион, то есть плат с «чудесно» отпечатавшимся на нем ликом Христа, упоминаемый в ряде средневековых источников, был именно плащаницей, сложенной так, что было видно только лицо. Согласно тем же источникам, мандилион в 40 г. был увезен учеником Христа Фаддеем в Эдессу (нынешняя Урфа в Турции), там был спрятан, забыт, вновь найден при восстановительных работах после наводнения в 524 г., в 944 г. был перевезен в Константинополь и хранился там до 1204 г., после чего бесследно исчез. Однако ряд противоречий в источниках мешает сколько-нибудь достоверному отождествлению мандилиона и плащаницы.

Имеется сообщение, что реликвия, именуемая «священной плащаницей», прибыла впервые из Иерусалима в Константинополь в V в. В 436 г. сестра императора Феодосия II Пульхерия построила в Константинополе Влахернскую базилику и поместила туда плащаницу, полученную от императрицы Евдокии. Имелось ли на этой плащанице изображение, неизвестно.

Во времена иконоборчества (VII—IX вв.) плащаницу спасли от уничтожения, спрятав в Иерусалиме. После того как в Византии вновь было восстановлено иконопочитание, в XI в. плащаница опять была возвращена из Иерусалима в Константинополь. Повторим снова, что нет оснований для уверенности в том, что в этих сообщениях речь идет именно о будущей туринской плащанице или вообще о плащанице с изображением Христа. Правда, «Каталог реликвий» исландского епископа Николоса Семундарсена от 1157 г. упоминает среди реликвий Константинополя «окровавленную плащаницу Христову».

Только крестоносец Робер де Клари, историограф Четвертого крестового похода, закончившегося разгромом Константинополя, совершенно определенно пишет,

что к моменту разгрома в 1204 г. плащаница вновь находилась во Влахернской базилике, что каждую пятницу ее выносили для поклонения и на ней можно было видеть лик Иисуса и что после разгрома и разграбления Константинополя плащаница исчезла бесследно¹.

Согласно запискам другого участника Четвертого крестового похода, Жоффруа де Виллардуэна, плащаницу похитил бургундский рыцарь Оттон де ля Рош, пожертвовавший ее впоследствии собору г. Безансон во Франции. Во время пожара в соборе в 1349 г. плащаница пропала. Имеются версии, что ее выкрали и что затем она попала к королю Франции Филиппу VI Валуа, который в свою очередь подарил ее графу Жоффруа де Шарни. Есть вроде бы и документ, подтверждающий этот дар, однако он вызывает большие сомнения, и отождествлять плащаницу де Шарни с безансонской плащаницей у нас пока нет оснований. Но с момента появления плащаницы у де Шарни ее дальнейшая история документирована достоверно.

Профессор Дьюкского университета в г. Дарем (США, штат Северная Каролина) А. Вангер утверждает, что ранневизантийская иконография Христа дает несколько случаев чрезвычайно близкого совпадения пропорций и деталей лица на плащанице с лицом Христа на нескольких монетах и иконах периодов правления Юстинианов I и II (VI—VII вв.). Ради интереса упомянем две цифры, приводимые им: совпадений в чертах образа на плащанице с иконой Христа в монастыре св. Екатерины на горе Синай — 45, с обликом Христа на солиде (монете) Юстиниана II — 65. Совпадения действительно впечатляющи, но их можно толковать не только в том смысле, как делает Вангер, что они были скопированы с плащаницы, но и что плащаница могла быть скопирована с одного из

¹ См.: Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986, с. 66—67.

этих изображений или с неизвестного общего источника (разумеется, если принимать образ на плащанице не за отпечаток тела, а за искусственное изображение).

Практически этим исчерпываются все очень туманные предположения об истории плащаницы до середины XIV в. Следует, однако, отметить, что истории известен ряд случаев неожиданных находок предметов, считавшихся бесследно утраченными в течение многих веков: например, скульптурная группа Лаокоон, созданная около середины I в. до н. э. греческими мастерами Агесандром, Полидором и Атенодором, известная по описанию римского историка Плиния Старшего в его «Естественной истории», считавшаяся погибшей и найденная лишь в 1506 г. при раскопках дворцовых бань императора Тита в Риме, или сочинения греческого комедиографа Менандра, жившего в IV—III вв. до н. э., найденные и опубликованные впервые лишь в XX в. Так что отсутствие достоверных сведений о плащанице в течение первого тысячелетия нашей эры вовсе не означает, что она в это время еще не существовала.

Итак, подведем итоги. Если не обсуждать версию о «чудесном» отпечатке на полотне в момент воскрешения Христа, которая разделяется многими верующими, и ограничиться реалистическими и в принципе научно доказуемыми предположениями, то можно выдвинуть две альтернативные гипотезы о происхождении плащаницы и отпечатка на ней. Первая гипотеза, которую поддерживают большинство исследователей, работавших непосредственно с плащаницей, состоит в том, что она действительно представляет собой естественно образовавшийся отпечаток мертвого тела человека, казненного путем распятия. Лишь относительно немногие из ученых позволяют себе идти далее и утверждать, что этим человеком был Иисус Христос.

Ряд патологоанатомических данных, о которых мы уже говорили выше, подтверждает это предположение,

однако, несмотря на ряд остроумных гипотез и экспериментов, конкретный механизм формирования такого естественного отпечатка все еще остается необъяснимым. Кроме того, против данной гипотезы — полное отсутствие (по мнению одних специалистов) или слишком незначительные (по мнению других) искажения в пропорциях тела, отчетливость кровавых пятен, которые вряд ли могла оставить засохшая кровь (если только она не была как-то размягчена предварительной обработкой трупа), и некоторые другие соображения.

Вторая гипотеза, противоположная первой, утверждает, что, несмотря на всю свою натуралистичность, образ на плащанице является искусным произведением человеческих рук, полученным той или иной техникой (рисунком, эстампированием, выжиганием и т. д.). Однако, какой конкретно могла быть эта техника, остается неясным. Необязательно предполагать, что изображение, если оно искусственное, могло быть создано в XIV в. или немного раньше. Хотя и имеется упоминание о том, что безымянный художник сознался в том, что он изготовил плащаницу, нам неизвестно, какие обстоятельства вынудили его сделать это признание. Зато хорошо известно, как много признаний, заведомо ложных, в самых чудовищных и фантастических деяниях делались в средние века перед лицом грозных церковных властей. Фальсификатора плащаницы с равным успехом можно искать как в XIV в., так и в IV в. Опять-таки решающее слово здесь за пока еще отсутствующей прямой датировкой ткани методами естественных наук.

Позднеантичные художники не хуже, а даже лучше, чем средневековые, владели искусством передачи реальных пропорций человеческого тела и всевозможными техническими приемами. Кстати, IV в. как раз характеризуется расцветом культа всевозможных христианских реликвий и массовым их появлением на исторической арене. Однако художник, создавший образ на

плащанице, если только он действительно существовал, независимо от того, в каком веке он жил и действовал, должен был быть поистине уникальной личностью в истории мирового искусства. Прежде всего, это должен был быть гениальный художник, безусловно знавший анатомию человеческого тела. Кроме того, у него должны были быть незаурядные исторические и литературные познания в евангелии, в древнеримских законах и древнееврейских религиозных обычаях, в истории материальной культуры — знание инструментов казни и пыток и т. д. Он должен был так искусно нанести кровавые подтеки, что они позволили судебным-медицинским экспертам XX в. восстановить в деталях картину агонии и смерти распятого человека. В довершение всего этого он должен был быть нумизматом, имевшим в своей коллекции редкие палестинские монеты периода правления Тиберия. Перед нами встает гипотетический портрет совершенно уникальной личности, сопоставимой по своей универсальности и силе таланта разве что с Леонардо да Винчи. Если такая личность действительно существовала, тщательный поиск каких-либо источников сведений о ней становится одной из интереснейших задач для историков и искусствоведов.

В идущей во всем мире дискуссии о плащанице, о ее подлинности или поддельности и о возможном пути возникновения высказывалось, но не получило особого признания предположение о том, что человек, чьи черты отпечатались на плащанице, мог быть не собственно евангельским Иисусом Христом, а так называемым «маленьким Христом», то есть членом или лидером раннехристианской религиозной секты, из фанатизма или стремления к мученичеству предложившим распять себя в точном соответствии с указаниями Евангелия от Иоанна. В принципе в таком предположении нет ничего невозможного, так как жития святых этой эпохи изобилуют описаниями чудовищных самоистязаний, ко-

торым подвергали себя аскеты-фанатики. В той форме, в какой она высказывалась в литературе, подобная гипотеза опять-таки связана с загадочной проблемой естественного формирования отпечатка.

Однако можно предположить, что сектанты, распявшие своего харизматического лидера, позаботились о том, чтобы получить в качестве объекта культа отпечаток его трупа, натянули на тело соответствующим образом погребальный покров, произвели его протирку материалом, который дал изображение через дегидратацию целлюлозы, а в отдельных местах могли даже произвести и некоторую подкраску для большей четкости изображения. Тогда становится вполне естественным ближневосточное происхождение ткани, да и монеты эпохи Тиберия в то время еще не были большой редкостью; в средневековье найти их было практически невозможно.

Это, разумеется, всего лишь одна в ряду имеющихся гипотез о возможном происхождении загадочной туринской плащаницы, у каждой из которых есть свои приверженцы, но ни одна из которых не получила пока всеобщего признания и неопровержимого подтверждения.

Есть и еще не испробованные, но способные дать важную информацию о плащанице методы, такие, как, например, микрофотографирование нитки за ниткой и др., и среди них, пожалуй, самый важный с точки зрения определения возраста ткани — радиоуглеродная датировка, которая хотя и не единственный, но самый надежный из известных ныне методов и может дать достаточно достоверное определение абсолютного возраста ткани. Долгое время церковь не давала своего согласия на такой анализ.

Осенью 1986 г. в прессе появилось сообщение, что кардинал Анастасио Баллестреро, архиепископ Турина, объявил, что папа Иоанн Павел II разрешил радиоуглеродный анализ плащаницы. Как стало известно из авторитетных церковных источников, публикация результатов

намеченных исследований ожидается не позднее пасхи 1988 г.

В заключение остается отметить, что, даже если дальнейшие исследования отнесут время изготовления ткани к началу нашей эры и если подтвердится гипотеза о формировании отпечатка естественным образом в результате контакта ткани с мертвым телом, плащаница останется лишь свидетельством совершенной в римские времена казни человека распятием, ряд характерных деталей которой совпадает с деталями описанного в евангелии распятия и погребения Христа. Еще раз подчеркнем — изображение на плащанице — это не отпечаток богочеловека, не свидетельство его чудесного воскресения и не чудо само по себе, а результат вполне материальных физико-химических процессов. И туринская плащаница, если будет доказана ее подлинность, займет свое место в ряду других историко-археологических памятников определенной эпохи, как это случилось с кумранскими рукописями, рассказавшими исследователям много нового о времени формирования христианской религии. Говоря о подлинности туринской плащаницы, авторы имеют в виду признание того факта, что в нее некогда (возможно в I в.) был завернут мужчина, казненный и погребенный в соответствии с обычаями того времени, что она не искусная подделка, что это отпечаток тела, а не творение художника. Что же касается того, можно или нет считать отпечатавшегося человека Иисусом, это уже вопрос не науки, а веры, выходящий за рамки решаемой средствами науки проблемы подлинности плащаницы.

Историк и журналист А. Дубровский в упоминавшейся выше подборке писем читателей по вопросу о плащанице, опубликованной в журнале «Наука и религия», отметил, что в последние годы об исследованиях по туринской плащанице «информационные банки молчат». Мы можем подтвердить, что сделанный нами запрос в информацион-

ные банки США о состоянии проблемы на 1 марта 1985 г. не дал ничего нового по сравнению с данными, обобщенными в наиболее полной сводке материалов по результатам исследования плащаницы — статье профессора Гонконгского университета У. Мичема, опубликованной в журнале «Каррент антрополоджи» (1983, № 3). Обсуждение проблемы плащаницы в среде ученых, по-видимому, временно прекратилось, и это вполне понятно: все, что можно было извлечь из данных СТурП, уже извлечено, а новых исследований не проводилось. Для дальнейшего прояснения исторических загадок, заданных туринской плащаницей, нужны новые конкретные исследования новыми методами. О них, как сказано выше, мы узнаем в лучшем случае весной 1988 г.

ОСТАНКИ УШЕДШИХ В НИРВАНУ

Август 1877 года. Остров Цейлон (Шри-Ланка). Город Канди, когда-то столица довольно влиятельного Кандийского царства, а в конце XIX в. небольшой городок в горной части острова, — резиденция чиновника английской колониальной администрации. Идет пятая и последняя ночь Канди эсала перахары, иначе говоря — сингальского ¹ праздника, совершаемого в честь Зуба Будды в месяце эсала (июль — август) в городе Канди. В толпе зрителей, нетерпеливо ждущей появления праздничной процессии, находится русский востоковед Иван Павлович Минаев. Впоследствии он публикует дневник своего путешествия по Индии и Шри-Ланке, и мы прочтем в нем описание того, что он увидел в эту ночь ².

¹ Сингалы — основное население острова и государства Шри-Ланка. Сейчас их 12 миллионов человек, что составляет 71% населения страны.

² См.: Минаев И. П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. Спб., 1878, ч. 1, с. 153—157.

Где-то после девяти часов вечера, когда уже совсем стемнело, послышались резкие звуки, постепенно становившиеся все громче. Наконец появилась процессия: первыми шли факельщики, за ними — музыканты с флейтами и барабанами. Далее в строгом порядке двигались служители храма Зуба, одетые в очень живописные костюмы: особенно красиво смотрелись их шляпы, похожие на треуголки, украшенные золотым шитьем. За служителями храма важно шествовали два небольших слона, на каждом из которых сидели по три человека с цветами. Кругом теснились люди с барабанами, флейтами и т. д. За двумя слонами двигались еще три. Шедший посередине громадный слон вез в золотой клетке реликвию из храма Зуба. За слонами двигалась толпа плясунов и музыкантов. Плясуны прыгали, приседали, выбивали ногами дробь, кружились, поднимались, заламывали руки. Среди них были даже два человека на ходулях. За ними спокойно и величественно шествовал главный служитель храма святого Зуба. Вокруг него несли опахала, веера и знамена.

Вслед за этой процессией шли четыре других — по одной от каждого из четырех храмов, которые наряду с храмом Зуба принимали участие в празднике. В каждой были факельщики, плясуны, музыканты, жрецы. В каждой был слон, который нес святыни данного храма. Каждая являла собой фантастическое и феерическое зрелище одновременно: тропическая ночь, роскошная растительность, уйма горящих факелов, оглушающая лавина звуков, ибо каждый музыкант играет что-то свое, торжественно шествующие со своей ношей слоны и тысячи зрителей, которые не только стоят, но и сидят на стульях вдоль дороги, среди них даже знатные дамы в цветах и кружевах.

Это было первое в русской литературе и в течение многих десятков лет оставшееся единственным у нас описание торжественной церемонии в честь Зуба Буд-

ды — самой популярной реликвии буддийского мира. Как гласит буддийская традиция, тело Будды было кремировано в местечке Кушинагара в Индии, а его зуб был выхвачен из огня одним из его учеников. С тех пор в течение восьми веков он хранился в Индии и лишь в IV в. н. э. был привезен на Шри-Ланку. Считается, что это произошло в 361 г. в период правления царя Шри Мегхаванна. Привезли его весьма романтичным образом принц Данта и принцесса Хемалатха, спрятав в локонах принцессы. Они бежали из царства Калинга, где хранился Зуб и где в связи с начавшейся войной ему грозила опасность стать добычей врага. Зуб считался столь важной реликвией, что царь Шри Мегхаванна почтил его появление на Шри-Ланке торжественным праздником и символически передал Зубу всю полноту власти над своим государством, а в своей царской резиденции в Анурадхапуре построил для него специальный павильон, получивший название Дхамма Чакка, что в переводе с палийского языка означает «Колесо Закона», и учредил в его честь большой ежегодный праздник.

Китайские монахи Фа Сянь (V в.) и Сюань Цзан (VII в.) оставили человечеству самые ранние описания этого праздника, который они наблюдали во время своих путешествий по странам Востока. Их заметки, по сути, не очень отличаются от того, что наблюдали путешественники и исследователи в XIX и XX вв.: те же процессии со слонами, факелами, музыкантами и танцорами. Пожалуй, можно отметить два момента, которые исчезли в ходе веков. Первый — размещение вдоль дороги, по которой будет идти праздничная процессия, тех 550 «телесных форм» в виде животных и людей, обличья которых, согласно буддийской традиции, принимал в своих предыдущих жизнях и перерождениях Будда (царь, ученик брахмана, торговец, царь обезьян, конь, олень, голубь и т. д.). Все они были великолепно выполнены и смотрелись как живые. Второй, очень важной деталью праздника было

выставление Зуба на всенародное обозрение. Царь в присутствии представителей самых знатных аристократических семей государства распечатывал футляр, в котором хранилась реликвия, вынимал ее и показывал всем окружающим. В этот момент ей воздавались всякие почести, курили благовония и т. д., после чего царь опять помещал Зуб в футляр, запечатывал его тремя печатями, в том числе царской печатью. Затем все опять торжественно возвращалось в храм, где и хранилось до следующего праздника.

Присутствие царя на всех праздничных мероприятиях считалось не просто обязательным — без него они не могли состояться. Дело в том, что со времени появления Зуба на Шри-Ланке он почитался не просто как реликвия великого учителя Гаутамы по прозвищу Шакьямуни («аскет из рода Шакья»), ставшего при жизни Буддой («просветленным») и проповедовавшего на рубеже VI—V вв. до н. э. свое учение. Зуб Будды превратился на Шри-Ланке в одну из регалий сингальских царей и почитался вдвойне — и как реликвия Будды, и как регалия, владение которой давало право на занятие царского престола.

Однако не все в истории этой реликвии ясно. Есть данные, позволяющие усомниться в подлинности Зуба, точнее, в том, является ли ныне хранимая в Канди реликвия тем самым зубом, который был привезен на Шри-Ланку в IV в. Сомнения вызваны некоторыми событиями политической истории стран бассейна Индийского океана.

В XIII в. во время очередной войны между правителями княжеств Южной Индии и Шри-Ланки Зуб Будды был захвачен индийскими войсками и вместе с другими сокровищами вывезен в Индию. Через сравнительно недолгое время за него была уплачена большая компенсация и он возвращен в тогдашнюю столицу город Полоннаруву. Однако три века спустя Зубу выпали новые испытания.

В начале XVI в. одной из сильнейших морских держав мира, захватившей ключевые позиции в Восточном полушарии, стала Португалия. В 1510 г. португальцы завоевали Гоа — территорию на юго-западном побережье Индостана, а в 1511 г. закрепились на полуострове Малакка. Тем самым Португалия взяла под свой контроль морские пути, проходившие через Персидский залив, Индийский океан и дальневосточные моря. Впервые на Шри-Ланке португальцы появились в 1505 г. Случайно застигнутые бурей, они пристали к западному побережью и были дружелюбно встречены местным населением, которое оказало им помощь, снабдило провизией в дальнейший путь. В 1518 г. португальская эскадра из 19 кораблей бросила якоря вблизи Коломбо (тогда он назывался Колантота), высадила 700 отлично вооруженных солдат и построила первую европейскую крепость на западном побережье острова. Так началось 140-летнее португальское владычество на Шри-Ланке. В 1658 г. после затяжной португальско-голландской войны остров перешел под власть голландских колонизаторов и на нем начала хозяйничать Ост-Индская компания. В 1796 г. голландцы были вытеснены англичанами, что явилось одним из звеньев в цепи войн, шедших между европейскими державами — Англией, Францией, Голландией как на территории самой Европы, так и в колониях. Начался период английского владычества на Шри-Ланке, продолжавшийся также полтора столетия (а точнее, 152 года). Лишь в 1948 г. Шри-Ланка перестала быть колонией Англии, получив статус доминиона, и только с 1972 г. стала независимой республикой.

В течение всех трех периодов европейской колонизации острова оплотом борьбы за независимость было Кандийское царство, занимавшее центральные горные районы острова — Кандийское нагорье. Как государство оно обрело свою силу, стало оплотом национальной культуры именно в период борьбы сначала с португальскими и голландскими, а потом и с английскими колониза-

торами. Первым его правителем и основателем царской династии считается Вимала Дхарма Сурья (1591—1604), а последним — Шри Вихрама Раджасингха (1798—1815). В 1815 г., воспользовавшись смутами в этом государстве, английский губернатор острова ввел туда свои войска, последний царь был низложен и выслан вместе со своими родственниками в Индию, а Кандийское государство вошло в состав колониальных владений на острове на правах самостоятельной провинции. Отныне ею правил чиновник английской администрации, подчинявшийся губернатору острова.

Все эти события политической истории в той или иной степени отражались на судьбе реликвии. Колониальные власти всех трех стран по-разному относились к ней. Наиболее воинственным неприятием всего, что связано с национальной культурой, традициями и религией сингалов, отличались португальцы, и прежде всего католическая церковь Португалии. В захваченных португальцами районах острова по ее активному настоянию разрушались буддийские и индуистские храмы, а то, что от них оставалось, шло в качестве стройматериалов на постройку католических монастырей, храмов и миссий. При них открывались миссионерские школы, занимавшиеся активной христианизацией населения. Последняя сопровождалась обычной в таких случаях политикой предоставления разных льгот неопитам (земель, успешного продвижения по административной лестнице в аппарате колониальной службы и т. д.), что не могло не принести соответствующие результаты: количество католиков к концу португальского периода колонизации Шри-Ланки на одном только полуострове Джафна насчитывало свыше 50 тысяч человек, а действующих храмов — 150¹.

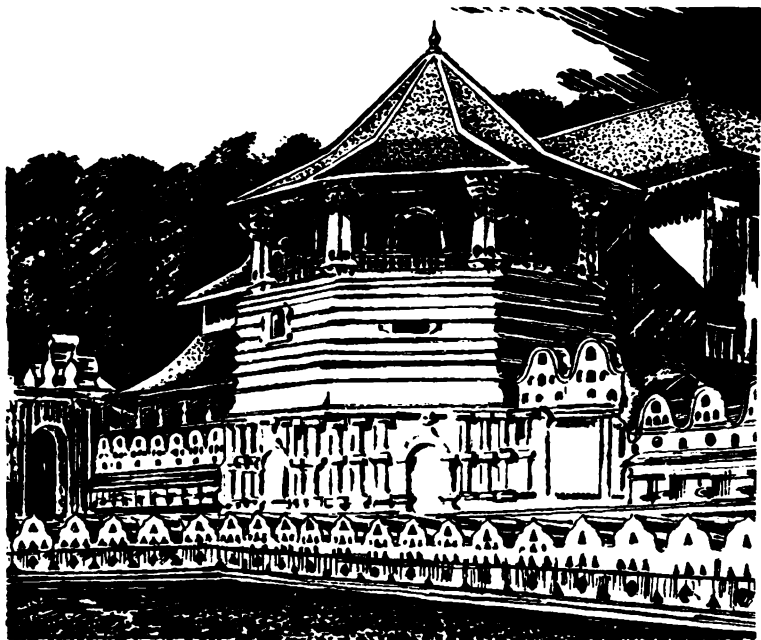
Сохранение сингальским населением Кандийского

¹ См.: Кочнев В. И. Шри-Ланка. Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в. М., 1976, с. 50.

плато своей политической и культурной независимости раздражало не только португальскую администрацию, но и католическую церковь. Зуб Будды и праздники в его честь были не просто конкурентами, но, если можно так выразиться, «личными врагами» португальского католицизма на Шри-Ланке. И вот в 1560 г. военный гарнизон португальцев в период очередного обострения отношений с местным населением захватил полуостров Джафна и одноименное государство тамиллов на его территории и завладел там какой-то буддийской святыней, именуемой Зубом Будды.

Далее о судьбе захваченной реликвии известно следующее. Она была привезена в Гоа и вручена португальскому вице-королю Индии Константину Браганцкому. Правитель государства Пегу в Южной Бирме, буддист, ревностный защитник и покровитель всех буддийских святынь, обратился к вице-королю с предложением отдать эту святыню за большой выкуп. В дело вмешалась португальская католическая церковь, она запретила даже говорить о выкупе и провела демонстративную акцию истолчения в порошок и публичного сожжения захваченного зуба. Факт этот зафиксирован многими очевидцами и сомнению не подлежит.

Однако неясно, что именно захватили и сожгли португальцы — Зуб Будды из Канди или какую-то искусную подделку под него, сфабрикованную правителем Кандийского царства, чтобы отвлечь внимание завоевателей от подлинной святыни. Кроме того, маловероятен факт, чтобы сингальская святыня вдруг оказалась во владениях тамиллов, относительно малочисленных переселенцев из Южной Индии, к тому же индуистов по вероисповеданию, проживавших тогда, как, впрочем, и ныне, на полуострове Джафна. Во всяком случае, хроники и легенды Шри-Ланки утверждают, что незадолго до захвата города Канди португальцами Зуб был вывезен и спрятан в тайнике в местности Дельгамува. После освобождения горо-

Храм Зуба Будды. Канди. Шри-Ланка.

да от завоевателей и восстановления независимого Кандийского государства его правитель Дхарма Сурья торжественно перенес реликвию из тайника в новый храм, построенный специально по этому случаю и получивший название Далада Малигава. Жители Шри-Ланки убеждены, что их реликвия подлинная, что португальцы либо сожгли какую-то фальшивку, намеренно выдав ее за Зуб Будды, чтобы тем самым унижить сингалов, почитающих эту святыню, либо были введены кем-то в заблуждение относительно подлинности попавшего к ним предмета. Как всегда, истину в таких случаях установить невоз-

можно. Каждая сторона придерживается своей версии и в соответствии с нею излагает «официальную историю» Зуба.

Любопытно добавить к этому сообщение И. П. Миная о том, что очевидцы, видевшие собственными глазами Зуб Будды, утверждают, что он вообще мало похож на чей-либо зуб. Его размеры — 2 вершка в длину, 1 вершок в ширину (вершок равен 4,4 сантиметра). Конечно, это многовато для зуба, но сингальские буддисты решают это противоречие довольно просто: будучи выдающейся во всех отношениях личностью, считают они, Будда должен был иметь и гигантский рост, соответственно и зубы у такого человека тоже должны были быть огромными.

В конце XVII и в течение XVIII в. праздники в честь Зуба не устраивались, что было связано с феодальными войнами на острове и с упадком всей культурной жизни. Однако в 1775 г. они возобновились, и, как сообщают хроники, произошло это по следующей причине. В то время правил царь Кирти Шри Раджасингх. В Канди приехала группа буддийских монахов из Сиам (Таиланд), представлявших то же религиозное направление, которого придерживались и буддисты Шри-Ланки, а именно хинаяну. Сямские монахи неодобрительно отнеслись к забвению культовых мистерий в честь самой значительной реликвии буддизма, по сути дела, единственной общебуддийской реликвии, которую признают буддисты всего мира, независимо от их идейных и культовых разногласий.

Так с последней четверти XVIII в. был восстановлен праздник в честь Зуба Будды, который царскою волею оказался включенным в цикл, состоящий из пяти праздников. Главное место среди них отводилось торжествам (перахяре) в честь Зуба Будды, по имени которого и весь цикл стал называться Далада перахяра, или Канди эсала перахяра. В таком виде почти без изменений лишь с

рядом нововведений, характерных для нашего времени (например, присутствие многочисленных иностранных туристов), этот праздник сохраняется и сейчас.

Усилиями ученых разных стран (Р. Нокс, Г. Кодрингтон, И. П. Минаев, Де Сильва, Н. Г. Краснодембская) были выявлены и исследованы составные элементы Кандийской перахяры, прослежены напластования разных исторических эпох, каждая из которых внесла свою лепту в облик и суть этого праздника.

В результате этих исследований можно достоверно утверждать следующее. Во-первых, в Кандийской перахяре есть следы древнего календарного праздника, отмечавшегося всегда в месяце эсала (июле — августе), который находился на пересменке двух сезонов года: назывались эти сезоны «большой» и «малый», хотя ни по продолжительности, ни по температуре, ни по количеству дождей практически не отличались друг от друга. Во-вторых, в этом празднике можно обнаружить следы культа солнца и луны, культа деревьев, огня и воды, культа местных богов — покровителей плодородия. Для развитых земледельческих цивилизаций все эти культы всегда были очень важной частью их ритуальной жизни.

Готовят этот праздник совместно служители пяти храмов: храма Зуба Будды (Далада Малигава) и четырех других, посвященных местным богам — Натхе, Вишну, Катарагаме и богине Паттини. Продолжается он 15 дней от новолуния до полнолуния, главный организатор его — управляющий (или верховный хранитель) храма Зуба Будды. Состоит праздник из многочисленных шествий и процессий, во время которых торжественно вывозят на слонах священные символы и реликвии.

Эмоциональная нагруженность всех дней праздника одинакова: чередование шествий людей и слонов, шествия факельщиков, танцоров и танцовщиц. Однако в первые пять дней упор делается на культ дерева — не

вообще любого, а особого, которое выбирает в окрестностях специально назначенное лицо, и все обряды подчинены почитанию этого дерева. Вторые пять дней главным объектом ритуала выступает священный сосуд (горшок, кувшин), который связан с культом дождя, водоемов, рек и всякой воды вообще как неперменного компонента жизни и плодородия. Во всех процессиях принимают участие и служители храма Зуба Будды, но их «звездный час» наступает лишь в последние пять дней, посвященных чествованию уже только Зуба и всего, что связано с почитанием этой реликвии.

Для этой части Кандийской перахары был очень важен ряд моментов, которые отсутствовали в других процессиях в предшествующие дни. Прежде всего, это участие самого царя и его приближенных в процессии. Они шли обычно позади жрецов, но перед мирянами, подчеркивая тем самым промежуточное положение власти и сана царя между сакральным и обыденным мирами.

По представлениям сингалов, как, впрочем, и многих других народов (китайцев, японцев, египтян, древних германцев, скифов и т. д.), особа царя считалась священной и ей приписывалось божественное происхождение. Этим же свойством наделялись и разные предметы царского обихода, иногда даже вещи членов его семьи. Поэтому в процессии в честь Зуба Будды шел сам царь, распространяя на все вокруг исходящую от него «благодать», в конце процессии несли «золотой паланкин» царицы. Ему также приписывалась особая магическая сила, а в конце процессии его помещали потому, что он принадлежал царице, то есть женщине, все же, что связано с женщиной, по представлениям буддистов, было более низкосортным, менее качественным, чем мужское, и не должно было соприкасаться с такой важной реликвией, как Зуб Будды. Впрочем, советская исследовательница Н. Г. Краснодембская, изучавшая традиционную обрядность сингалов Шри-Ланки, полагает, что паланкин цари-

цы — это разновидность качелей, которые, в свою очередь, по всей Азии связаны с магией плодородия, и что именно по этой причине «золотой паланкин» оказался в числе священных символов, которые начиная с XVIII в. носили и носят сейчас во время процессий в честь Зуба Будды¹.

Правила проведения праздника в самую последнюю и самую важную ночь Кандийской перахяры предписывали следующий порядок следования участников шествия: первыми идут погонщики слонов, за ними знаменосцы, затем вестник кандийских царей с мандатом, разрешающим проведение праздника, барабанщик, выбивающий победную дробь на барабане, начальник царского слоновника верхом на слоне, распорядитель церемонии, пышно разукрашенный главный слон, везущий на себе золотой реликварий из храма Зуба Будды (теперь уже без самого Зуба во избежание каких-либо эксцессов политического характера, попыток похищения реликвии и т. д.). Далее идут вереницы слонов, музыканты и танцоры, главный распорядитель храма Зуба со своей свитой, несущей пики, зонты, штандарты и прочие ритуальные украшения и, наконец, паланкин царицы.

Торжества последней ночи заканчиваются ранним утром своеобразным обрядом, известным под названием «разрезание воды». Он уже никак не связан с Зубом Будды, благополучно покоящимся в храме своего имени в реликварии, в котором его всю ночь носили по улицам города. «Разрезание воды» — древний магический обряд вызывания дождя, и заключается он в следующем. Жрецы всех пяти храмов — участников Кандийской перахяры выплывают на лодках на середину Кандийского озера, держа в руках священные кувшины из своих храмов. Они выливают воду из этих сосудов в озеро. Затем главный

¹ См.: Краснодембская Н. Г. Традиционное мировоззрение сингалов. М., 1982, с. 144—145.

жрец храма Катарагамы очерчивает в воде магический круг, рассекая в нем воду священным мечом бога своего храма, после чего все остальные жрецы зачерпывают своими кувшинами воду. Эти кувшины будут хранить в храмах ровно год, до следующей Кандийской перахяры.

Набрав священной воды из озера, процессия представителей всех пяти храмов делает три заключительных обхода вокруг храма Зуба, а потом приходит ко дворцу правителя, которому старшины храмов докладывают о завершении праздника. До 1815 г. доклад принимал Кандийский царь. Со времени установления английского колониального режима это делал чиновник английского правительства.

Впрочем, не всегда все проходило мирно. Английская администрация часто запрещала народные шествия. Так, в марте 1883 г., сославшись на беспорядки, возникшие при очередном таком шествии, она ограничила проведение всякого рода процессий и использование в них музыкальных инструментов. Естественно, это вызвало недовольство буддистов.

В настоящее время старшин Кандийской перахяры с отчетом о завершении праздника принимает президент республики.

До сих пор представители знатных аристократических родов г. Канди, история которых исчисляется столетиями, ежегодно выделяют крупные суммы на проведение этого праздника, чтобы поднять свой социальный престиж в противовес престижу высших чиновников административного аппарата республики.

Как мы видим, связь Кандийского праздника с буддийской реликвией очень условна, многие детали его уходят в глубокую древность и несут в себе такую магическую символику, которая никем, кроме ученых, уже практически не осознается.

Правительство республики Шри-Ланка придерживается принципа превращения Кандийской перахяры в

национальный праздник, своего рода смотр народного искусства. К участию в нем теперь допускаются все слои населения, никаких ограничений для женщин, имевших место в XVIII в., нет. Наряду с многочисленными буддийскими паломниками в Шри-Ланку именно в период проведения этого праздника приезжают многочисленные иностранные туристы, создавая тем самым дополнительную доходную статью в бюджете государства.

Любопытно отметить своеобразное отражение культа Зуба Будды в одной из школ японского буддизма, а именно в школе Тэндай, и даже не во всех ее монастырях и локальных центрах, а только в одном из них — монастыре Ямадера в префектуре Ямагата. Монастырь Ямадера, основанный в IX в. монахом Дайкоку-дайси, был вначале главным оплотом нового учения. Затем он уступил свои функции другому монастырю — Энрякудзи, находившемуся вблизи тогдашней столицы страны Киото, а сам перешел на второстепенные роли. Расположен он в горной лесистой местности, далеко от основных трасс и центров современной индустрии и, в отличие от многих других буддийских и синтоистских монастырей Японии, отнюдь не является посещаемым туристическим объектом. В монастыре несколько десятков храмов, расположенных на склоне горы и как бы теряющихся под кронами деревьев. Один из самых верхних храмов, по сути дела, является складом, куда со всех окрестных мест приносят по одному зубу от каждого умершего человека. Зубы помещают в небольшие коробочки, имеющие вид маленькой ступы — погребального и мемориального сооружения во всех странах буддийского региона (в наше время их делают из пластмассы). Когда склад полностью заполняется этими реликвариями (на это требуется несколько десятилетий), где-нибудь на склоне горы вырывают большую яму и закапывают в нее все накопившиеся к тому времени зубы вместе с футлярами-ступами, в которых они хранятся.

Что наводит на мысль о связи этой традиции с культом Зуба Будды? Как в свое время тело умершего Будды, покойников в Японии предают кремации. Согласно буддийской традиции Зуб Будды был извлечен из пепла сожженного тела — точно так же извлекаются зубы из пепла после сожжения покойников в Японии. Вместилищем Зуба Будды в Канди служат шесть вложенных друг в друга ступ, ибо в буддизме, а на самом деле в индийской традиции в гораздо более ранние времена, ступа выступала в роли надгробного мемориального памятника. Маленькие, высотой 4—5 сантиметров коробочки-ступы из монастыря Ямадера — память о тех главных ступах, в которые был помещен пепел сожженного тела Будды и позднее его якобы уцелевший зуб. И, наконец, все эти разрозненные звенья соединяются в единую цепь, если вспомнить об одной из главных идей ряда школ японского буддизма, в том числе школы Тэндай, — утверждения, что природа будды заложена в каждом живом существе и лишь от него самого зависит, сумеет ли он ее в себе выявить. Каждый человек — будда состоявшийся или несостоявшийся, уже проявивший себя или потенциально имеющий возможность проявиться в будущем. Соответственно зуб каждого человека может оказаться зубом какого-то будущего будды.

Зуб Будды — единственная общепобуддийская реликвия, хотя и ее почитают в основном последователи хиняны. Других столь общеизвестных реликвий нет, но в каждой из стран, где население исповедует буддизм, существуют свои реликвии, имеющие, правда, достаточно ограниченную известность. Расскажем о некоторых из них.

В тех буддийских странах, где преобладающей формой похорон, так же как и в индуизме, стала кремация, зубы — это единственное, что остается от сгоревшего трупа, так как кости превращаются в золу.

Поэтому других форм «святых» мощей, столь распространенных в христианстве (черепов, пальцев, рук, волос и т. д.), казалось бы, быть не должно. Однако история полна «чудес», а история религий тем более.

Бирманские буддисты по праву гордятся ступой Шведагон в Рангуне — одним из самых выдающихся архитектурно-исторических памятников своей страны. Позолоченная от основания до кончика шпиля пирамида высотой 99 метров, не считая стоящей под ней прямоугольной 20-метровой высоты платформы, стремительно возносится в небо. 72 небольших каменных храма с изображениями будд окружают центральную ступу, и весь комплекс ослепительно сверкает в лучах солнца. Он виден за десятки километров с моря и суши, придает неповторимый силуэт городу и выступает в роли символа не только Рангуна, но и Бирмы в целом.

Согласно легенде, две с половиной тысячи лет назад два купца, Тапусса и Бхалика, родом из тех мест, где стоит сейчас город Рангун, отправились по своим купеческим делам в Индию. Там в местности Бодх Гая они встретили сидящего под деревом Будду, только что достигшего состояния «просветленности» и начавшего проповедь своего учения. Сделав ему подношение в виде рисовых лепешек на меду и выслушав его учение, братья-купцы получили от Будды в дар восемь золотых его волос, с которыми и отправились назад в свою страну. На обратной дороге их ожидали всякие приключения. Два волоса им пришлось отдать правителю царства Ориссы, владения которого они пересекали. Пока они плыли морем в свою страну, еще два волоса потребовал от них царь драконов.

По прибытии на родину купцы стали искать место, где воздвигнуть пагоду. Согласно данному им Буддой указанию, это должен был быть холм с тайником, в котором уже хранились реликвии трех будд, правивших мировыми периодами до появления Будды Шакьямуни.

Их реликвии следующие: одежда, черпак для воды, посох. С помощью одного из местных духов холм был найден. Он оказался вблизи рыбацкой деревушки, называвшейся Дагон. Стали строить пагоду. Когда собрались заложить в нее ларец с волосами Будды, их опять «чудесным образом» оказалось ровно восемь. Перед тем как волосы уложили в сокровищницу, они взлетели над холмом на высоту, равную семи пальцам, и излучали оттуда такой свет, что немой мог говорить, глухой слышать, а хромой ходить. Дождь драгоценностей усыпал всю землю по колена. Когда же наконец золотая ступа была воздвигнута над всеми вышеназванными реликвиями, ее окружили шестью малыми ступами из серебра, олова, меди, свинца, мрамора и железа. Ступу называли Шведагон, что значит «Золотой Дагон». И произошло это якобы в 585 г. до н. э.

Такова легенда. Ее знают в Бирме все от мала до велика. Ее текст высечен на каменных плитах, стоящих возле ступы, напечатан в многочисленных проспектах-путеводителях. Буддисты воспринимают эту легенду как непреложный исторический факт. Однако первые более-менее достоверные сведения о существовании Шведагона относятся лишь к концу XIV в. Хроники сообщают, что правитель государства Пегу Бинья V установил золотую ступу в местности Дагон высотой 20 метров. С тех пор различные источники упоминают о ней довольно часто: о расширении и увеличении ее размеров, о периодических ремонтах, о реконструкции после землетрясений, последнее из которых, сильно повредившее Шведагон, произошло в начале 60-х годов XX в. Из хроник в литературу перешла легенда о реликвиях четырех будд, хранящихся в Шведагоне, но никто никогда, кроме персонажей самой легенды, их не видел да и не увидит.

Следует заметить, что вообще исторические свидетельства о распространении буддизма в Бирме относятся лишь к середине XI в. и связаны с личностью прави-

теля Паганского государства Анируды. Расширяя территорию своего царства, захватывая земли на севере и на юге, Анируда опирался на новую религию — буддизм хинаяны и повсюду активно занимался поисками реликвий, обладание которыми, по его мнению, должно было придать ему как правителю дополнительный авторитет. Хроники и эпиграфические надписи того времени сообщают о переносе «ключицы Будды» в Паган и строительстве над нею ступы, о поисках Зуба Будды на севере в княжестве Тароп, которые ни к чему не привели. Критически настроенные к Анируде более поздние хроники сообщают, что «сам Будда не пожелал помочь Анируде и заставил его довольствоваться меньшими по ценности реликвиями».

В 70-х годах XI в. усиливаются политические связи Шри-Ланки и Паганского царства. В этот период буддизм на Шри-Ланке временно пришел в упадок и Анируда не без гордости взял на себя функции его покровителя. Бирманские хроники сообщают, что именно в этот период желание Анируды заполучить священный Зуб Будды наконец осуществилось и правители Шри-Ланки якобы расстались со своей святыней, передав ее на хранение в Паган. Однако описание этих событий изобилует массой столь неясных деталей и откровенно фантастических элементов (например, что Зуб Будды мог размножаться и оставлять в каждой местности «копию самого себя», что дало возможность Анируде построить по всей стране множество ступ над каждой из таких копий)¹. Однако факт передачи основной реликвии со Шри-Ланки в Бирму сомнителен, ибо, как мы уже писали выше, сингальские хроники, в свою очередь, утверждают, что Зуб Будды начиная с IV в. никогда не покидал пределы острова.

¹ См.: Всеволодов И. В. Бирма: религия и политика. М., 1978, с. 28—30.

Своеобразными реликвиями в Тибете, а в прошлом и в Монголии — странах, где население исповедует ламаизм¹, являются миниатюрные модели ступ и медали-иконки, которые штампуют из глины, смешанной с пеплом от кремации выдающихся деятелей ламаистской церкви. Помимо кремации в ламаизме существуют и другие формы захоронения: выбрасывание трупа (иногда с предварительным расчленением) в реку или в пустынной местности, где его могут съесть рыбы, дикие звери, птицы, и закапывание в землю. Обычай этот, несомненно, гораздо древнее самого буддизма, но в буддизме он истолковывается как акт милосердия: кормление своим телом живых существ после собственной смерти уподобляется поступку Будды в одном из его предшествующих перерождений, когда он, согласно легендам, отдал свое тело на съедение голодной тигрице.

Отдельные части тела благочестивых людей, умерших естественной (но ни в коем случае не насильственной) смертью, могут быть использованы и по-иному: из черепов делают чаши для тайных ритуалов, из них выпиливают зерна для четок, а из бедренных костей (особенно ценятся кости невинных девушек) делают музыкальные инструменты, используемые в храмовых службах (например, труба «гандан»). Подобные предметы являются реликвиями лишь отчасти. Обычно имена людей, чьи кости использованы в этих целях, либо неизвестны вообще, либо вскоре забываются.

Кое-где в районах распространения ламаизма и других форм северного буддизма (Тибет, Монголия, Япония) можно встретить еще один вид реликвий — мумифицированные тела, представляющие собой останки видных буддийских монахов и священнослужителей. В одних

¹ Ламаизм — особое направление в северном буддизме, делится на пять школ (или сект), самая ранняя из которых — ньигмапа возникла в IX в., а последняя — гелукпа — в конце XIV — начале XV в.

случаях они получены путем искусственной мумификации покойника, в других — образуются путем естественного высыхания трупа человека, длительным постом доведшего себя до крайнего истощения, вследствие которого наступила смерть.

В монастырях Тибета использовали два способа мумификации трупов: вымачивание в концентрированном растворе соли или поджаривание их в масле. Полученные мумии обряжали в одежду, накладывали на лица маски из золота или другого прочного материала, после чего их замуровывали в ступу, специально воздвигавшуюся по этому случаю. Такие мумии (их тибетское название мардонги) хранились на территории монастырей, иногда даже в помещении храма. Французская исследовательница тибетского буддизма Александра Давид-Ниль, которая несколько лет провела в Тибете, изучая в его монастырях священные тексты буддистов, а также их культовую практику, в своей книге «Мистики и маги Тибета» упоминает о таких мумиях, не раз встречавшихся ей в ее скитаниях по Тибету. Она не пишет о существовании особого культа мардонгов; они просто находятся в одном ряду со скульптурными изображениями других богов, но эти мумии, несомненно, делали монастыри, в которых они находились, более почитаемыми.

В Монголии XVII— начала XX в. искусство мумификации было несколько иным и его объектами становились в основном высшие сановники ламаистской церкви, считавшиеся «живыми богами», то есть перерождениями и телесными воплощениями богов буддийского пантеона и выдающихся лиц в истории буддизма. Для мумификации делали специальный состав из ряда компонентов (ароматические травы, золотой и серебряный порошок), но главным среди них была мелко толченая каменная соль, которой засыпали тело умершего примерно на два месяца, после чего оно превращалось в совершенно высохшую мумию. Над ней возводили усыпальницу,

чаще всего в виде ступы. Как и в Тибете, ее устанавливали в монастырском дворе либо прямо в храме.

Способ «прижизненной мумификации» родился в одной из буддийских школ Японии. В IX в. монах и видный идеолог японского буддизма Кукай основал школу Сингон, представлявшую собой эзотерическое направление в буддизме, претендующее на владение тайными знаниями, доступными лишь узкому кругу посвященных. Среди многих идей, выдвинутых Кукаем, была идея сокусин дзёбуцу, дословно переводимая так — «стать буддой в собственном теле». Превращение в будду, переход в нирвану с сохранением нетленного тела требовали сложной подготовки, молений, созерцаний, аскетического образа жизни. Когда такой фанатик-подвижник считал себя готовым к переходу в состояние будды, начинался последний этап его жизни, который длился 1000 дней. Компонентами этого завершающего этапа земного существования были неподвижность, отрешенность, созерцание, особая постановка дыхания и, главное, диета в виде постоянно уменьшавшихся крошечных рационов, исключавшая все наиболее питательные, особенно крахмалистые, продукты. В таком состоянии организм переходил на потребление собственных тканей и к концу этой 1000-дневной голодовки от человека оставались в буквальном смысле слова кожа да кости. Когда он умирал, гнить, по существу, было нечему. Разумеется, труп помещали в максимально сухие условия, чтобы ускорить высыхание оставшихся мягких тканей, но дополнительной обработке не подвергали.

Живым усохнуть до состояния мумии удавалось далеко не всем. Многие умирали на начальных этапах голодовки, и их приходилось кремировать обычным порядком. Сам Кукай тоже прошел этот процесс и якобы чудесным образом исчез, «испарился», во всяком случае мумифицированного будды из него не получилось. Практика эта получила наибольшее распространение в мисти-

ческом учении сюгендо — «горного отшельничества», синкретически слившего в себе идеи буддизма Сингон и древнюю японскую практику культа гор. Мумии, полученные таким образом, выставляли в храме и поклонялись им, как и обычным скульптурным изображениям будд.

Наибольшее развитие сюгендо и практика самомумификации получили в провинции Дэва (современная префектура Ямагата) в районе горного массива Дэва сандзан, образованного вершинами Юдоно, Хагуро и Гассан.

Несколько мумий таких аскетов и до сих пор являются объектом почитания в храмовом комплексе Дайнити-бо на горе Юдоно, посвященном буддийскому божеству Вайрочане. Следует заметить, что светские японские власти в средневековье с подозрением относились к деятельности аскетов сюгендо и неоднократно запрещали самомумификацию как извращение идей буддизма, однако запреты эти, как правило, не достигали цели.

Из известных исторических личностей пытался себя заживо мумифицировать странствующий монах XVII в. Энку, вошедший, однако, в историю буддизма не столько за эту попытку, сколько потому, что был прекрасный скульптор, вырезавший из дерева, по подсчетам специалистов, более 5 тысяч статуй разных будд. Почувствовав, что силы покидают его, он попросил себя заживо закопать в землю. Сидя в земле, он дышал через узкую трубочку, молился и звонил в колокольчик. Судя по тому, что похоронен он на монастырском кладбище в Мирокудзи и на его могиле до сих пор стоит надгробие с его именем, «стать буддой в собственном теле» ему не удалось¹.

Следует заметить, что для северных школ и направлений буддизма в отличие от более строго придержи-

¹ См.: Комаровский Г. Пять тысяч будд Энку. М., 1968, с. 22.

вающейся первоначального учения хинаяны характерен самый широкий синкретизм с местными языческими верованиями и тенденция к обожествлению и причислению к рангу богов (будд и бодхисатв) реальных личностей. Такие случаи обожествления могли происходить в разных местах в силу разных обстоятельств не только с выдающимися представителями церкви, но и с другими людьми, о чем свидетельствует сообщение некоего Маккея, бывшего миссионером в Южном Китае в конце XIX в. Он пишет, что в 1878 г. в районе Тамсуя (провинция Тайвань) одна крестьянская девушка страдала длительной и изнурительной болезнью. Она умерла от истощения, крайне исхудавшая, и вследствие этого ее труп, как и трупы самомумифицировавшихся японских монахов, не разлагался, а усох. Местные жители усмотрели в этом знак воплощения в девушке одного из божеств пантеона китайского буддизма, соорудили в ее честь маленький храм, посадили ее труп, одетый в праздничную одежду, в кресло, отгородив алтарь от остального пространства стеклом. Культ новоявленной «богини» постепенно приобрел популярность, и какое-то время устроители храма неплохо наживались на жертвоприношениях состоятельных паломников. Однако в дальнейшем за вспышкой энтузиазма наступило разочарование, и культ этот постепенно угас.

Следует признать, что власти средневековой Японии, считавшие самомумификацию противоречащей истинному буддийскому учению, по существу, были совершенно правы. Буддизм в своем изначальном виде не должен был и не мог давать повода к образованию реликвий, тем более такого рода, поскольку он, во-первых, призывает к отказу от суетных устремлений мирской жизни, следовательно, и от надежд на магическое действие каких-либо культовых объектов, а во-вторых, требует уничтожения телесных останков, принесения их как последней жертвы живым существам ок-

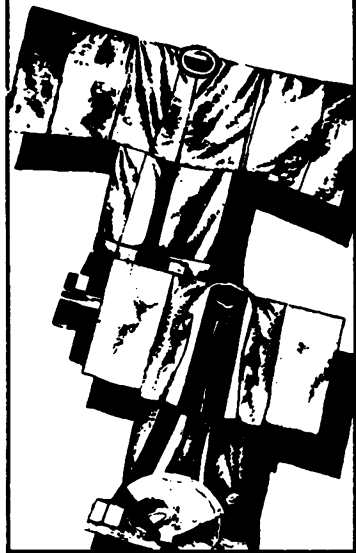
ружающей природы, отказа человека от воскрешения не только своей плоти, но и души, недаром слово «нирвана» в дословном переводе с санскрита означает «угасание». Однако закономерности развития тех религиозных учений, которые начинаются как абстрактная философско-этическая концепция, но вскоре обрastaют обычными атрибутами традиционных религий, такими, как магия и фетишизм, привели к появлению и в буддизме культа различных всеобщих и локальных реликвий.

РЕЛИКВИИ РЕЛИГИИ СИНТО

В предыдущих главах рассказывалось о реликвиях в исламе, буддизме и христианстве. Эти религии называют мировыми, потому что их проповедь обращена не к одному какому-нибудь народу, как, например, иудаизм, а носит межэтнический и космополитический характер. Конечно, и их реликвии в конкретных исторических условиях могут приобретать национальный характер, но важнейшие из них являются общими для всех верующих данной конфессии вне зависимости от национальной принадлежности.

Иное отношение к реликвиям наблюдается в Японии, где религиозная ситуация очень специфична. Современное население Японии в целом мало религиозно. Социологические обследования, например, показывают, что около 70% японцев вообще не считают себя верующими людьми.

Однако одно дело ответ на прямо поставленный вопрос социологической анкеты, а другое — реальная жизнь, в которой бывают самые

различные ситуации. За последние годы число лиц, называющих себя верующими, несколько возросло. Если по опросам 1973 г. их было всего 25%, то в 1978 и в 1983 гг. — около 33—34%. Но почти 70% японцев в тех же опросах заявили, что в целом религия обществу нужна, или, по крайней мере, в принципе считают религию положительным общественным фактором. В опросе японского радио и телевидения (Ниппон Хосо Кёкай) в 1983 г. помимо вопроса об исповедовании религии был вопрос о том, относится ли анкетированный с симпатией к какой-либо конфессии. Оказалось, что буддизм исповедуют 27% опрошенных, но симпатизируют ему 63%; по синтоизму соответствующие цифры были 3 и 18%, по христианству — 1,5 и 12%.

Современная Япония в целом выглядит достаточно типично для любой индустриально высокоразвитой капиталистической страны. Корпуса заводских цехов, шары и цилиндры газо- и нефтехранилищ, линии электропередач, виадуки рельсовых и автомобильных дорог, небоскребы отелей и административных зданий, плотно застроенные кварталы многоквартирных жилых домов, а в пригородах тесно сбившиеся сгустки индивидуальных маленьких коттеджей — вот основные компоненты этого индустриального пейзажа. И лишь местами резким контрастом на этом фоне выделяются храмы — массивные деревянные здания с прихотливо выгнутыми темными черепичными или металлическими крышами, с колоннами, покрытыми темно-красным лаком, почти всегда окруженные пусть небольшим, но густым и тенистым парком, с горбатыми мостиками, причудливыми декоративными воротами, как будто прямо сошедшими в этот современный мир с листов старинных гравюр Хиросигэ и Хокусая.

Если только храм не относится к числу знаменитых памятников старинной архитектуры, около которых всегда теснятся автобусы с экскурсантами, то обычно и сам он,

и его парк малолюдны или почти безлюдны. Людей, пришедших просто помолиться, в обычные дни здесь увидишь нечасто.

Но вот наступает какой-нибудь праздник, и картина резко меняется. В день Нового года по аллеям и проходам, ведущим к крупнейшим храмам, течет нескончаемый сплошной людской поток. Обычно молящиеся бросают монетку пожертвования в специальный решетчатый ящик, но сейчас это невозможно. Подступ к храму огорожен веревочным барьером, за ним разложены парусиновые полотнища. Не всем удается даже протиснуться к барьеру, монеты летят издали, через головы стоящих впереди, звонким дождем сыплются на полотнища, покрывают их толстым слоем. Бросив монеты, празднично наряженные люди хлопают в ладоши, наклоняют голову, шепчут несколько слов молитвы и движутся к выходу, уступая место напирającym сзади. Какому божеству они молились? Если дело происходит в Токио, то больше всего молящихся наносит этот новогодний визит духу императора Мэйдзи, а в другие дни приходящие в этот храм могут осмотреть и его реликвии.

Осенью, 15 ноября, все храмы вновь переполнены. В этот день обязательный визит в какой-либо храмносят родители с детьми, которым исполнилось в текущем году 3, 5, 7 лет. Дети одеты не в курточки и штанишки, как обычно, а в специально купленные для праздника яркие, разноцветные кимоно. Наряды, игры, развлечения, лакомства отмечают этот день как один из самых красочных и радостных моментов детства. Ни один японец, будь он верующий или неверующий, не может лишиться своего ребенка радости этого праздника.

Как видим, даже отрицание японцами своей веры в богов, духов отнюдь не означает, что они являются убежденными атеистами и никак не связаны с церковными организациями. Что касается мировоззрения, то человек, не будучи верующим в подлинном смысле

слова, может и не быть материалистом. Он может признавать, и чаще всего именно так и бывает, наличие во вселенной некоторой духовной силы, господствующей идеи, предопределенности и т. д. Но еще более важно то, что практически каждый японец связан с определенной религией, и чаще всего даже не с одной, а сразу с двумя, узлами обрядового порядка, которые накладывают значительный отпечаток на всю его жизнь.

Формально подавляющее большинство японцев считаются буддистами. Буддийское вероисповедание в Японии распадается на большое количество школ, сложившихся в средние века именно на японской почве и совсем или почти совсем не представленных за пределами Японии. Если не считать духовенства и монашества, то для рядовых мирян связь с буддийской религией ограничивается заупокойным культом, то есть определенными ритуалами, которые отправляются в храмах и на домашних буддийских алтарях в честь покойных предков данной семьи. На принадлежащих буддийским храмам кладбищах совершается в Японии около 80—90% похорон и панихид, поминальных служб, исполнять которые в соответствии с ритуалом является непременной этической и даже отчасти юридической обязанностью каждого японца вне зависимости от его религиозных убеждений. Этим для основной массы мирян их связь с буддизмом и ограничивается.

Среди японцев есть и некоторое количество христиан и довольно большое число последователей так называемых новых религий, представляющих собой причудливую смесь буддийских и христианских идей с традиционными народными верованиями. Но все же те или иные школы японского буддизма, к которым по традициям своей семьи формально принадлежит большая часть населения Японии, преобладают.

В японском буддизме есть своя система реликвий. Это могут быть «нетленные» мощи, то есть естественным об-

разом образовавшиеся мумии отдельных видных священнослужителей и монахов-подвижников, а также принадлежавшие им при жизни предметы, созданные ими иконы, рисунки, скульптуры и т. д. Почитают эти реликвии в пределах соответствующих буддийских школ, а не в рамках буддизма в целом, и большой эмоциональной роли для мирян они не играют.

Однако в Японии наряду с буддизмом и параллельно с ним большинство японцев, так или иначе, сопричастны другой, специфически японской религиозной системе, носящей название синто, или, как ее называют в западной религиоведческой литературе, синтоизм.

Слоги «син» и «то» соответственно означают «божество» и «путь». Так что синто переводится как «божественный путь» или «путь богов». Само вероучение древнее этого родившегося в средние века термина и под другими обозначениями бытовало в Японии задолго до начала ее писаной истории и до проникновения сюда (в VI в. н. э.) буддизма.

Собственно говоря, современное синто — это результат длительного развития родо-племенных традиционных верований и культов, сложившихся в Японии еще в глубокой древности, а затем видоизменявшихся, испытывавших определенное влияние буддизма, оттесненных им в средние века на второй план, но никогда не терявших статуса самостоятельной, отдельной от буддизма религии. Время, предшествовавшее и непосредственно следовавшее за незавершенной буржуазной революцией Мэйдзи 1868 г.¹, было временем нового расцвета синто, потому что революция эта проходила под лозунгом восстановления полноты императорской власти, и синто,

¹ В японской буржуазной историографии эта революция называется не революцией, а реставрацией Мэйдзи. Мэйдзи (буквально «просвещенное правление») — девиз эпохи царствования и посмертное имя императора Муцухито (1852—1912), который в 16-летнем возрасте получил формально всю полноту власти в результате этой революции.

своими мифами обосновывающее божественное происхождение этой власти, было ее идеологическим знаменем.

В царствование Мэйдзи прошли все те преобразования, благодаря которым Япония из отсталой и малоизвестной страны на краю света превратилась в одну из крупных империалистических держав. Преобразования эти коснулись и сферы религии. На смену существовавшим до того гонениям на христианство пришло формальное провозглашение свободы вероисповедания. Позиции буддизма были значительно ослаблены, и он перестал быть государственным культом, легализовались различные новые религии, но, что самое главное, синтоизм, по существу, был провозглашен государственной религией, обязательной для каждого верноподданного японца.

Чтобы объяснить странное противоречие между формальным провозглашением свободы вероисповедания и обязательностью отправления синтоистского культа, в котором верховное место над множеством прочих разнообразных богов занимает солнечная богиня Аматэрасу, а император считается ее божественным потомком и представителем на земле, японские монархистские идеологи в конце XIX — начале XX в. развивали да отчасти и сейчас продолжают развивать любопытную теорию. Согласно ей, синто вообще не религия в том смысле, в каком религией можно назвать буддизм, христианство, ислам и т. д. Синто, дескать, это национальный гражданский патриотический культ, который является обязанностью каждого японского патриота и совместим с исповеданием любой религии. Ныне эти идеологи усматривают параллель синто в американской гражданской обрядности, например почестях, воздаваемых флагу, а синтоистские храмы сравнивают с такими сооружениями, как мемориалы президентов Вашингтона, Джефферсона, Линкольна, в которых по определенным датам проходят соответствующие торжественные церемонии.

Несостоятельность подобных параллелей очевидна. Практически в каждой стране имеются свои национальные святыни, мемориалы, в музеях или в государственных учреждениях хранятся национальные исторические реликвии. Но все эти сооружения, реликвии, памятные места и связанный с ними гражданский церемониал нигде не носят религиозного характера и существуют совершенно отдельно от религиозных сооружений, то есть храмов, религиозных реликвий, мест религиозного паломничества и связанных с ними богослужебных ритуалов.

Особенность синтоизма в том, что, с одной стороны, он претендует на роль универсального выразителя японского национального патриотического духа, а с другой — никоим образом не отказывается от догматов и атрибутов самой настоящей религии — с обширным пантеоном, жертвоприношениями, сложной и всесторонне развитой религиозной обрядностью. Именно в плане этой двойственности синтоизма и следует рассматривать существующие в его системе реликвии.

Большинство реликвий в других религиях мира имеют средневековое происхождение и уж, конечно, не могут быть древнее, чем время основания этих религий, но у синтоизма, как мы знаем, нет ни основателя, ни даты основания. Он уходит своими корнями еще в догосударственную и дописьменную эпоху в истории Японии. Соответственно одной группе его реликвий приписывается невообразимая древность. Это так называемые «три божественные регалии» (по-японски сансю-но-синки) — символы унаследованной от богов власти императора Японии. Материально они представляют собою бронзовое зеркало, меч и яшмовые подвески. Последние внешне выглядят как связка крупных фасолевидной формы бус. В политическом церемониале они играют ту же символическую роль, что корона, держава и скипетр для любого европейского монарха. Вступая во владение

ими, наследник престола становится монархом и на него переходит «благодать» наследуемого сана. Однако этим аналогии и исчерпываются. Регалии европейских монархов находятся более или менее постоянно при них или, во всяком случае, в достижимой близости от них, одеваются или берутся в руки во время торжественных церемоний, доступны, по крайней мере, во время таких церемоний для всеобщего обозрения и, главное, не почитаются за предметы со сверхъестественными свойствами.

С японскими регалиями дело обстоит иначе. Вообще говоря, археологические раскопки показывают, что на территории Японии еще у племенных вождей начала нашей эры и ранее этот комплекс (зеркало, меч и яшмовые бусы) уже выступал символом власти. Во многих синтоистских храмах можно видеть эти предметы. — настоящие зеркала и мечи или несколько уменьшенные, специально изготовленные их изображения, висящие на потолочных балках близ входа в храм. Кроме того, зеркало или меч могут выступать в качестве синтай (буквально «тело бога»), то есть местопребывания духа божества того или иного храма. Изображения божеств для синтоизма не характерны и обычно в качестве объекта поклонения и олицетворения божества выступает какой-либо предмет или просто табличка с его именем. Они хранятся в алтаре за занавеской, и видеть их мирянам вообще не допускается.

Первоначально правители рода, ставшего в Японии императорским, очевидно, держали подобные предметы при себе. Однако с упрочением и расширением культа богини Аматэрасу как предка императорской фамилии было основано святилище Исэ дзингу в провинции Исэ в Западной Японии, и зеркало было передано туда в качестве синтай Аматэрасу. Согласно хронике «Нихон сёки», это произошло в I в. н. э. Но «Нихон сёки» была написана только в VIII в., и сообщаемые ею сведения, по крайней

мере более древние, чем VI в., недостоверны и порою просто фантастичны. Одни японские ученые относят создание святилища в Исэ к V в., другие считают, что оно построено лишь в VII в. Соответствующие же записи в «Нихон сёки» были включены не ранее X в.¹

Так или иначе зеркало, называемое ята-но-кагами (буквально «зеркало в восемь пядей», то есть очень большое зеркало), хранится в святилище в Исэ по меньшей мере с VII в. Оно заключено в футляр, и неизвестно, видел ли кто-либо его на протяжении прошедших 13 веков и существует ли оно вообще на самом деле. Последним прикасавшимся к нему человеком мог быть император Мэйдзи, который опечатал футляр своей личной императорской печатью, однако неизвестно, открывал он футляр или нет.

Разумеется, священное зеркало, как и все древние зеркала, мало похоже на современное. В древности до появления искусства шлифовки стекла зеркала представляли собой бронзовые диски, гладко отшлифованные с одной стороны, а с другой стороны обычно покрытые разнообразными рельефными литыми узорами.

При императорском дворце в специальном святилище хранится столь же тщательно скрываемая от людских глаз копия зеркала, которая считается наделенной такими же божественными свойствами. Впрочем, при попытке проследить судьбу этих реликвий почти невозможно разобраться, где речь идет о копии, а где об оригинале. Чудесные события, якобы происходившие с ними, как будто подразумевают их подлинность, хотя в одних случаях речь идет о реликвиях, находящихся в храмах, в других — о реликвиях во дворце императора или на его корабле.

В японской мифологии и народной эпической поэзии

¹ См.: Светлов Г. Е. Путь богов (синто в истории Японии). М., 1985, с. 25.

имеется ряд преданий о происхождении и разных чудесных перипетиях, которые случались с этими реликвиями. Вот что говорится в них о священном зеркале. Оно было отлито по повелению самой богини Амаэрасу как отражение ее облика. Когда богиня, оскорбленная своим братом Сусаноо, скрылась в небесном гроте, во всем мире воцарилась вечная ночь. Тогда боги собрались у входа в грот и, устроив буйные пляски, выманили оттуда богиню. Когда же она выглянула в щелку двери, показали ей ее изображение в зеркале и тем самым заставили развеселиться и вернуться в мир, осветив его. В дальнейшем, после того как столицей Японии стал Хэйан (нынешний Киото), во дворце случился пожар. Придворные тщетно пытались спасти зеркало из огня, но оно само вдруг выскочило из пламени и, ослепительно сверкая, повисло на верхушке дерева сакуры, растущего возле дворца, откуда и было спасено придворными.

Яшмовые подвески хранятся также в запечатанном футляре в специальном святилище императорского дворца. Согласно легенде, в средние века один из императоров пытался открыть футляр и взглянуть на подвески, но из футляра поднялось облако белого удушливого пара, заставившего его отказаться от своего намерения.

Со священным мечом, именуемым Кусанаги-но-цуруги (буквально «Меч-коси-трава»), связаны различные поэтические легенды. В священной книге синтоистов «Кодзики» (дословно «Записки о делах древности»), составленной в начале VIII в. на основании древних устных преданий, о чудесном обретении этого меча рассказывается следующее. Когда бог Сусаноо спустился с небес в край Идзумо, он спас там прекрасную девушку от пожиравшего людей восьмиглавого и восьмихвостого дракона. Сусаноо изрубил дракона в мелкие куски, но никак не мог разрубить один из хвостов. Когда он рассек хвост вдоль, внутри хвоста он нашел чудодейственный меч. Меч он преподнес великой богине Амаэ-

расу, а она впоследствии вручила его вместе с зеркалом своему правнуку, ставшему первым императором Японии. Далее легенда гласит следующее. Через несколько поколений жители Восточной Японии взбунтовались против императора, и его сын Ямато Такэру отправился на их усмирение. Враги, чтобы сжечь Ямато Такэру, пустили огонь по сухой траве, но богатырь чудесным мечом скошил вокруг себя траву на целую версту, от чего меч и получил свое название. За три года Ямато Такэру завоевал для царей Ямато (так в мифах именуется Япония) ту местность, где ныне находится город Нагоя. После смерти полководца этот меч был помещен как синтай в святилище Ацута дзингу, построенное в той же местности. Он хранится там и поныне, тоже в футляре, выносимом во время торжественных церемоний из святилища по определенным датам.

Впоследствии корейский монах Догё пытался похитить меч и увезти в Корею, но, когда он отчалил от берега, море внезапно разбушевалось. Догё понял, что это наказание за похищение меча, и вернул его в храм на прежнее место. Император Едзэй однажды попытался вытащить меч из ножен. Немедленно вспыхнул такой яркий свет, как будто сверкнула молния. Император в испуге отбросил меч, и тот со звоном сам вскочил обратно в ножны.

Впрочем, тот меч, что хранится в Ацута дзингу, согласно другому преданию, никак не может быть подлинным. Подлинный меч во время битвы при Данноура, когда происходила решающая схватка за власть между феодальными родами Тайра и Минамото, находился вместе с восьмилетним императором Антоку и двумя другими реликвиями (зеркалом и подвесками) в стане Тайра.

Вот как рассказывает об этом «Повесть о доме Тайра», средневековый японский эпос, сложенный в XIII в. и повествующий о происходившей веком ранее борьбе

Тайра и Минамото. Когда стало ясно, что флот Тайра разбит, воспитательница императора знатная дама Ниидо-но «зажала под мышкой ларец со священной яшмой, опоясалась священным мечом, взяла на руки малолетнего императора Антоку и сказала: «Я всего лишь женщина, но в руки врагам не дамся! И не разлучусь с государем!.. Там, на дне, под волнами мы найдем другую столицу!» — и вместе с государем погрузилась в морскую пучину»¹.

Император Го-Сиракава, на чьей стороне выступали воины Минамото, надеялся отыскать меч. Обладание им придавало законность любым притязаниям на престол. Однако усилия лучших ныряльщиков и молитвы самых благочестивых монахов были безуспешны. И тогда нашелся чародей, владевший различными приемами магии и гадания, который посоветовал императору не искать меч на дне залива, а оставить его там навеки. Объяснение же этому он выдвинул следующее: «Змей-Дракон, коего в древние времена рассек на куски бог Сусаноо в верховьях речки Хи в краю Идзумо, очень сокрушался о потере священного меча. Вспомните, недаром бог Дракон принял облик Змея о восьми головах и восьми хвостах. Вот и ныне, в соответствии с сим магическим числом, воплотился он в восьмилетнего государя, вступившего на престол после восьмидесяти земных императоров, и вернул себе заветный меч, вместе с ним погрузившись на дно морское!»²

Священному зеркалу грозила такая же участь. «Госпожа Дайнагонноскэ, супруга князя Сигэхиры, тоже хотела броситься в море вместе с драгоценным китайским ларцом, в котором хранилось священное зеркало, но стрела пригвоздила подол ее длинного одеяния к краю судна. Споткнувшись, она упала, и тут ее схватили воины

¹ Повесть о доме Тайра. М., 1982, с. 526—527.

² Там же, с. 537.

Минамото. Самураи сбили замок со священного ларца и уже хотели было приподнять крышку, но в тот же миг в глазах у них потемнело и кровь хлынула носом. «Это священное зеркало! — воскликнул пленный дайнагой (сановник.— С. А., Н. Ж.) Токитада.— Простым смертным не дано его лицезреть!» — И услышав эти слова, все самураи попятились, объятые страхом. Тогда Минамото Есицунэ, переговорив с дайнагоном, снова завернул ящик в ткань, как и был он завернут прежде»¹.

Что касается ларца со священными яшмовыми подвесками, то он не утонул, а плавал по волнам. Один из самураев заметил и подобрал его, и оба ларца, с зеркалом и с яшмой, были водворены победителями в помещение Государственного совета в столице своего государства и тем самым символически утвердили право на власть их ставленника на императорский трон.

В настоящее время, как мы уже знаем, из трех регалий две хранятся вдали от императорской резиденции, а в святилище при императорском дворце помещены зеркало и меч, якобы являющиеся точными копиями священных зеркала и меча, хранящихся как синтай в Исэ дзингу и Ацута дзингу. Как видим, божественные регалии уже с эпохи раннего средневековья окружены мистической таинственностью, недоступны для человеческого взгляда и им приписываются чудодейственные сверхъестественные свойства.

В средние века подобные легенды содействовали укреплению представления о них как о совершенно особых, непохожих на свои обыденные прототипы предметах и повышали в глазах верующих их ценность как объектов почитания, а тем самым и священность императорской власти, которую эти предметы мистическим образом в себе воплощали. В наши дни, конечно, большинство японцев вряд ли верят в какую-то сверхъестест-

¹ Повесть о доме Тайра, с. 528.

венную природу данных реликвий. Тем не менее таинственность, продолжающая их окружать, романтичность и глубокая древность легенд, связанных с их происхождением, конечно, способствуют поддержанию настроения какого-то особого, не выражаемого обычными словами чувства почтения к древности, необыкновенности императорской власти и всему, что с ней связано.

Другая категория реликвий синтоизма — это предметы, не служащие в качестве синтай, которые хранятся не в самих храмах, а в специальных помещениях или пристройках, обычно называемых хомоцудэн (дословно «павильоны сокровищ»). Большие постройки музейного типа с экспозицией предметов в специальных витринах, приспособленных для массового обозрения, имеются при многих крупных храмах. Предметы, находящиеся в них, это чаще всего оружие, доспехи и другие личные вещи, принадлежавшие или приписываемые конкретным историческим лицам, обожествленным в данном святилище или каким-либо образом связанным с его историей. Так, в хомоцудэне храма Цуругаока Хатимангу в Камакура хранятся вещи видного военного и политического деятеля XII в. Минамото Ёритомо. Хотя они продолжают в какой-то мере оставаться объектом религиозного почитания, тем не менее надо сказать, что их роль в духовной жизни современных японцев относительно невелика, зато никак нельзя игнорировать значение аналогичных реликвий, относящихся к совсем недавнему времени — к концу XIX и в основном к XX в. Эти реликвии хранятся в сокровищницах-музеях, принадлежащих храмам, связанным с историческими личностями и событиями нового и новейшего времени и известным почти каждому японцу.

Крупнейший из таких храмов — Мэйдзи дзингу в Токио, посвященный обожествленному духу скончавшегося в 1912 г. императора Мэйдзи (Муцухито). Храм и храмовый музей строились в течение нескольких лет.

Хомоцуден — павильон реликвий
при храме Мэйдзи дзингу. Токио.

Строительство было объявлено всенародным делом, в нем участвовали молодежные строительные отряды со всех концов страны. Множество организаций, в том числе религиозных, внесли пожертвования. Строительство храма завершено в 1920 г. и было отмечено пышными церемониями.

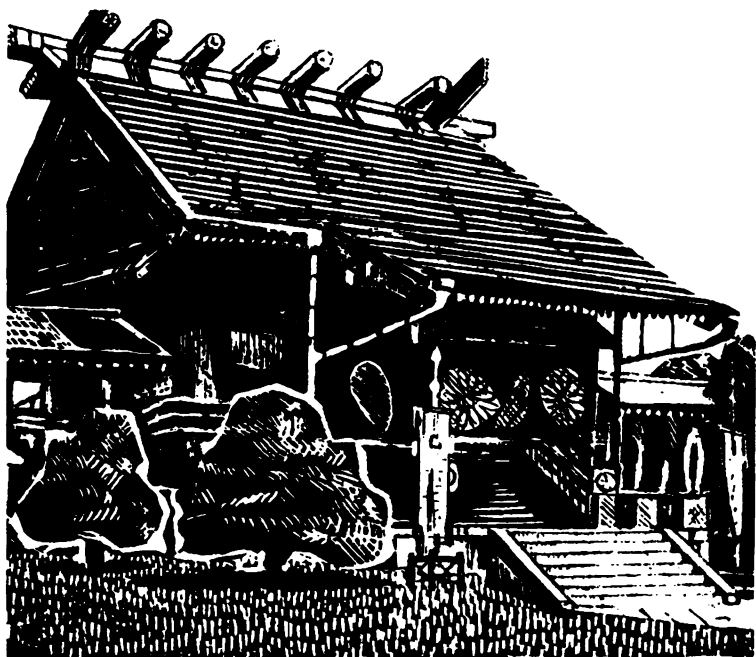
Храмовые постройки расположены в прекрасном парке недалеко от центральной части Токио. Такое местоположение способствует популярности храма. По праздничным дням, особенно в первые дни Нового года, здесь бывают сотни тысяч посетителей, да и в обычные дни немало людей. Одни приходят помолиться, другие — просто погулять в парке, полюбоваться великолепными

цветниками и зелеными насаждениями, а заодно посещают и храм и зал реликвий.

Здесь представлены всевозможные предметы, связанные с жизнью императора Мэйдзи и его супруги императрицы Сёкэн: их одежда японского и европейского стиля, военные мундиры, книги, письма, письменные принадлежности, ордена, парадное оружие, карета, портреты, фотографии, картины и т. д. Все это служит цели восхваления заслуг и добродетелей императора и внушает посетителям мысль, что превращение Японии в современную державу произошло благодаря необычным, сверхъестественным качествам личности императора, особому покровительству богов, которое сопутствовало его начинаниям.

В Токио имеются храмы генерала Ноги и адмирала Того. В довоенной Японии официальная пропаганда превозносила этих военачальников, прославившихся в ходе русско-японской войны, не только как великих военных деятелей, но и как людей, служащих образцом беззаветной верности и преданности императору. Сейчас официальная пропаганда такого рода не ведется, но отдельные храмы продолжают ее в прежнем духе. Именно целям этой пропаганды и служат экспонируемые в прихрамовых музеях-хранилищах документы, изобразительные материалы и разнообразные личные вещи обожествленных военачальников.

На все лады превозносится героизм, патриотизм, преданность и готовность к самопожертвованию военных деятелей как нового времени, так и более отдаленных эпох. При этом совершенно игнорируется одно важное обстоятельство. Из всех войн, которые когда-либо вела Япония, только одна, а именно война в конце XIII в. против монгольского хана Хубилая была оборонительной войной. Все остальные войны древности, средневековья, нового и новейшего времени против Кореи, Китая, России и других держав были войнами захватническими, развязанными по инициативе Японии.

Хонден — место хранения списков душ погибших воинов синтоистского храма Ясукуни дзиндзя. Токио.

Особое место среди синтоистских святилищ занимает Ясукуни дзиндзя. Здесь обожествлены души всех солдат и офицеров, которые пали в боях за императора: вначале — в ходе революции Мэйдзи, а затем во всех войнах, которые в дальнейшем вела Япония. Первоначально в списках душ, обожествленных в храме Ясукуни, числилось 3585 имен. В наши дни их число возросло почти до 2,5 миллиона. Перед хранилищем во дворе стоят артиллерийские орудия разных типов, танки, а в самом хранилище можно видеть окровавленные, пробитые пуля-

ми солдатские гимнастерки, торпеды, управлявшиеся водителями-смертниками (камикадзе), и другие предметы, хранящие память последней войны.

Храм Ясукуни то и дело становится предметом ожесточенных дебатов в политической жизни современной Японии. Милитаристски настроенные круги в нарушение законодательства об отделении религии от государства требуют установить государственное попечительство и финансирование храма как коллективного памятника погибшим военнослужащим. Прогрессивная общественность резко выступает против этих попыток. Нередко вблизи храма проходят бурные демонстрации, столкновения сторонников левых и правых политических течений. В августе 1985 г. в ознаменование сороковой годовщины окончания военных действий премьер-министр Я. Накасоне собирался посетить храм с официальным визитом и провести торжественные молебны. На сей раз это вызвало резкие протесты не только японской прогрессивной общественности, но и правительства КНР, воспринявшего данный акт как надругательство над памятью жертв японской агрессии в Китае. Молебны пришлось отменить. Комментируя эти события, пресса особо отмечала тот факт, что среди лиц, «обожествленных» в храме Ясукуни, с 1978 г. числятся на правах «святых великомучеников» семь главных военных преступников Японии (Тодзио, Хирота, Доихара, Итагаки, Кимура, Мацуи, Муто), казненных 23 декабря 1948 г. по приговору международного трибунала.

Надо сказать, что в небольшом парке, разбитом сейчас на месте снесенной тюрьмы Сугамо, где происходила казнь преступников, поставлен памятник в виде огромного валуна с высеченной на нем надписью, хотя прямо и не прославляющей казненных преступников, но, по существу, увековечивающей их память. Но этого мало. «На горе Санган, что под городом Нагоя, идет подготовка к сооружению пышного «Мавзолея семи самураев». Там же будет

и музей. Реваншисты тащат для него со всей Японии ветхие мундиры, мечи, прочие реликвии Тодзио и его сообщников. К будущему мемориальному комплексу прокладывают маршруты автобусных экскурсий для молодежи»¹.

Как видим, характер реликвий современного синто, да и сами формы их показа очень напоминают то, что можно видеть в различных военно-исторических музеях во многих других странах. Но в том-то и дело, что хомоцидэны в синтоистских храмах — это не музеи или, во всяком случае, не просто музеи, а именно составляющие единое целое с храмами хранилища реликвий, то есть вещей, принадлежащих лицам обожествленным, являющимся объектом религиозного культа со всеми его характерными признаками и прежде всего представлениями о потусторонней жизни, о сошествии божественного духа в место их почитания, о присущей им особой сверхъестественной благодати.

К экспонатам обычного музея посетитель может относиться без всякого религиозного пиетета. Он оценивает их со своих политических и идейных позиций, обуславливаемых в конечном счете его классовым самосознанием. В случае же с японскими храмовыми реликвиями восприятие этих, казалось бы, обычных военно-исторических экспонатов происходит на фоне психологических установок, подготовленных обстановкой храма и теми эмоциями, которые формируются в подсознании верующих, да и не только верующих, синтоистской обрядностью, его культовой практикой. А эти эмоции у большинства японцев сугубо положительные, так как посещение храмов и участие в совершаемых в них обрядах начинается еще в раннем детстве и всегда связано с праздничной обстановкой, сопоставимой, пожалуй, бли-

¹ Салронов В. Ампутация памяти.— Литературная газета, 1986, 14 мая.

же всего с нашим праздником новогодней елки. Во взрослом возрасте синтоистские храмы ассоциируются опять-таки главным образом с радостными, праздничными событиями, со свадебной обрядностью. Поэтому, хотя в таких храмах, как Ясукуни дзиндзя или Ноги дзиндзя, казалось бы, ничто положительных эмоций возбуждать не должно, тем не менее сама их принадлежность к синтоистскому культовому комплексу влияет на некритическое позитивное восприятие хранящихся здесь реликвий и пропагандируемых ими идей не только верующими, но и людьми, которые сами себя относят к неверующим. В условиях, когда в общественной жизни Японии идет напряженная борьба между сторонниками курса на возрождение милитаризма и его противниками — демократическими силами, когда синтоистские церковные организации почти без исключения так или иначе, вольно или невольно оказываются в лагере первых, своеобразный культ реликвий при синтоистских святилищах играет совершенно определенную и довольно значительную политическую роль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, у кого-то из читателей эта книга вызовет недоумение: реликвии в каждой религии исчисляются сотнями и хотелось бы узнать если не обо всех, то хотя бы о многих, а в ней говорится всего о нескольких. Однако авторы сознательно выбрали те реликвии, в судьбе которых история причудливо переплелась с мифологией, породив своеобразные самостоятельные культы, органично вошедшие в буддизм, христианство, ислам и в ряд других религиозных систем. Кроме того, в книге уделено внимание реликвиям, которые в нашей стране известны лишь немногим, хотя различные домыслы о них распространены довольно широко.

Одни реликвии, о которых шла речь в книге, имеют чисто локальное значение (мумии японских монахов; тибетских и монгольских священнослужителей, волосы с головы Будды, почитаемые бирманцами, и т. д.), другие же (Зуб Будды, туринская плащаница, Коран Османа, волосы и сандалии пророка, императорские регалии японцев) общеизвестны в рамках соответствующих религий. Как правило, они веками хранятся в каком-либо одном месте (храме, соборе, мечети, специальном хранилище) и никуда не вывозятся, за исключением случаев, когда им грозит какая-либо опасность. Периодически почти все описанные реликвии или их символические заменители, к числу которых относятся, например, муляжи головы Хусейна, доступны обозрению. Это, однако,

не относится к синтоистским реликвиям, связанным с императорским домом Японии,— их, вероятно, не видят даже сами императоры.

Часто, но не всегда реликвии служат предметом специальных ритуальных церемоний: *Зуб Будды* — в месяце эсала по сингальскому календарю, *туринская плащаница* — в день католической пасхи, *Коран Османа*, ныне хранящийся в музее в Ташкенте, когда-то удостоивался особого почитания в день смерти Османа, выделяемый мусульманами-суннитами в особую траурную дату. Специальные службы по случаю разных военных годовщин, проводящиеся в синтоистских храмах Японии, и даже простое присутствие реликвий погибших воинов в этих храмах содействуют, как мы уже отмечали выше, нагнетанию националистических настроений.

Еще раз хочется подчеркнуть, что для верующих не имеет значения подлинность объекта их почитания. Вместо сгоревших, растертых в порошок, украденных или иным путем канувших в вечность реликвий появлялись их копии, похожие, а порою и не очень похожие на оригинал. Иногда одна и та же реликвия начинала существовать в нескольких экземплярах, как, например, *Коран Османа*, *голова Хусейна*, *сандалии пророка*. Но это ничего не меняло в сути самого культа, опирающегося не на исторический факт, а на миф и легенду, в которых для верующего реально абсолютно все.

Еще сравнительно недавно культ реликвий кроме идеологического воздействия церкви на массы верующих использовался правящими кланами для проведения в жизнь определенных политических идей, разжигания религиозного фанатизма. И в наши дни, как читатель мог убедиться на примере синтоистских реликвий, эта функция отчасти за ними сохраняется. С другой стороны, реликвии всегда служили коммерческим интересам церкви, а также предприимчивым торговцам и прочим лицам, занятым обслуживанием паломников. В наши дни сами

реликвии, святилища, где они хранятся, празднества и процессии, им посвящаемые, заняли важное место в ряду туристических достопримечательностей, стали основой существования целой индустрии, рассчитанной не только на верующих, но и на интересующихся экзотикой туристов.

Наконец, ныне, когда серьезное научное исследование, хотя и не без труда, все же находит доступ к некоторым наиболее известным реликвиям (например, к туринской плащанице), они, опять-таки безотносительно к проблеме их «подлинности», приобретают значение исторического источника, позволяющего лучше понять мотивы и характер деятельности разных лиц и групп в разные периоды истории. Именно в силу этого реликвии и в наши дни привлекают внимание исследователей, а правда о них позволяет положить конец разного рода домыслам, которыми они были окружены в течение многих веков.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Шах Хусейн, вах, Хусейн!	7
Коран Османа, борода пророка и другие реликвии ислама	27
Загадка туринской плащаницы	36
Останки ушедших в нирвану	62
Реликвии религии синто	86
Заключение	106

- А86** **Арутюнов С. А., Жуковская Н. Л.**
«Святые» реликвии: миф и действительность.—
М.: Политиздат, 1987.— 109 с., ил.— (Беседы о ми-
ре и человеке).

Сотрудники Института этнографии АН СССР доктор исторических наук С. А. Арутюнов и кандидат исторических наук Н. Л. Жуковская в своей книге рассказывают о наиболее известных религиозных реликвиях в исламе, христианстве, буддизме, синтоизме, причинах их популярности у верующих. Авторы показывают, как и почему возникает культ реликвий, кому он служит.

Рассчитана на широкий круг читателей.

А 040000000—224 125—87
079(02)—87

ББК 86.3

**Сергей Александрович Арутюнов,
Наталья Львовна Жуковская**

«Святые» реликвии: миф и действительность

Заведующий редакцией А. В. Белов

Редактор Ю. В. Степанов

Младший редактор М. В. Архипенко

Художник А. И. Синегубов

Художественный редактор А. А. Пчелкин

Технический редактор Е. Ю. Тихомирова

ИБ № 5832

Сдано в набор 10.02.87. Подписано в печать 25.05.87.
А 04711. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага книжно-журналь-
ная, офсетная. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать
офсетная. Усл. печ. л. 4,90. Усл. кр.-отт. 5,25. Уч.-изд. л.
4,66. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 2618. Цена 15 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

15 коп.

